

Александр Александрович Тамоников
Кровь за кровь
Серия «Александр Тимохин»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=319282
Кровь за кровь: Эсмо; М.; 2010
ISBN 978-5-699-41965-4*

Аннотация

Спецназовцы не ищут войны – она находит их сама... Бойцам элитной группы разрешили уйти в кратковременный отпуск. Первыми к морю и солнцу отправились семьи капитана Волкова и прапорщика Чернова. Но уже буквально через сутки в военный городок приходит страшная новость: Волкова вместе с женой и четырехлетней дочкой прямо на трассе зверски убили неизвестные. Горе соратников сменяется лютым гневом. Преступление не может остаться безнаказанным – ведь спецназ своих не бросает! И офицеры начинают операцию возмездия. Для них это дело чести...

Содержание

Часть I	4
Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Александр Тамоников

Кровь за кровь

Все, изложенное в книге, является плодом авторского воображения. Всякие совпадения непреднамеренны и случайны

Часть I

БАНДА

Глава 1

Ближнее Подмосковье, коттеджный поселок на берегу живописного озера, 17 августа, воскресенье.

В гостиной коттеджа, крайнего справа по единственной улице поселка, у камина сидели двое – мужчина, Игорь Степанович Голубев, успешный предприниматель, 44 лет, и его супруга, 38-летняя Ирина Петровна Голубева. Приятно потрескивали дрова, и, несмотря на ненастную погоду – к вечеру пошел мелкий дождь, – в гостиной было тепло и уютно. На стеклянном столике – бутылка шампанского, ваза с фруктами, пепельница, пачки сигарет «Мальборо», которые любил Игорь Степанович, и «Вирджиния», которые предпочитала Ирина. Их дочь, 14-летняя Галина, находилась на втором этаже, слушала через наушники музыку – свою любимую группу, название которой родители, как ни пытались, запомнить не могли.

Игорь Степанович допил шампанское, поставил бокал на столик, прикурил сигарету и откинулся на спинку кресла. Он был в отличном настроении. Вчера ему пригнали новенький «Лексус-570». Он давно хотел иметь именно этот автомобиль, и вот его мечта сбылась. Черный внедорожник стоял в гараже особняка, еще без номеров, рядом с двухлетним «Паджеро», на который уже нашелся покупатель, согласившийся приобрести автомобиль за сумму, запрошенную Голубевым. Покупатель оставил задаток, и сделка должна состояться во вторник, одновременно с постановкой «Лексуса» на учет. В понедельник областное управление ГИБДД не работало, так что оформление приходилось откладывать. К тому же супруги весьма выгодно продали квартиру родителей жены в центре Блачинска. И сейчас в потайном сейфе Игоря Степановича лежали три миллиона рублей и пятьдесят тысяч евро. Впрочем, валюта постоянно находилась в сейфе, на так называемые непредвиденные расходы и на отдых за рубежом. И бизнес давал неплохую прибыль. Так что неделя удалась, и Игорь Степанович был доволен. Настроение повышали французское шампанское и предвкушение страстной близости с супругой.

Ирина допивать не стала, отставила фужер и тоже закурила. Выпустив небольшое облако дыма, плавно втянувшееся в чрево камина, она сказала:

– Квартира, машина, дела – это все хорошо, Игорек, но мы так и не решили, когда и куда поедем отдыхать.

Голубев ответил:

– Место отдыха, дорогая, помнится, должна была определить ты.

– Знаешь, мне подвернулся путеводитель по Тунису, и я подумала, не махнуть ли нам туда?

– В Тунис? В Африку?

Ирина уточнила:

– В Северную Африку. В Тунисе, оказывается, очень много интересного: и море Средиземное с пляжами, и климат теплый (сезон там длится с июня по ноябрь), и шикарные отели, и самый крупный археологический музей в мире – Бардо, обладающий богатейшей коллекцией каменных мозаик. Пальмы в оазисе, древние поселения берберов, крепости, пещеры... Можно остановиться даже в палатках тунисских кочевников. Полеты из Москвы два раза в неделю, для туристов въезд безвизовый. Да и, честно говоря, мне уже надоела Европа.

Голубев улыбнулся:

– А также Ближний Восток, Индонезия, Азия...

– Я выбираю Тунис.

– Ну что ж, Тунис так Тунис, но отправиться в Африку мы сможем не раньше октября.

У меня еще поездки в Испанию и Италию.

– Хорошо, только вопрос с каникулами для дочери будешь решать ты.

– Без проблем.

Игорь Степанович затушил сигарету, поднялся, подбросил в камин еще пару поленьев, открыл заслонку. Дрова вспыхнули, как порох, протянув языки пламени к вытяжной трубе. Голубев посмотрел на часы: 21.45, обошел кресло жены, обнял ее, погладив груди сквозь халат.

– А не лечь ли нам сегодня пораньше, дорогая?

Ирина, возбуждаясь, прошептала:

– С удовольствием, но Галя не спит, и сейчас ее не уложишь. Не ребенок. Потерпи, ночь длинная.

– Тогда, может, пойдем, прогуляемся к озеру?

– Предлагаешь прогулку под дождем?

– Да разве это дождь? Изморось.

– Нет, дорогой, не хочу, дома хорошо!

Голубев согласился:

– Да, дома хорошо. Все же не зря мы истратили деньги, купив участок здесь, у озера. И на окраине. Воздух чистый, тихо. Вот еще катамаран куплю, будем по озеру плавать.

– Скажи еще, рыбу ловить.

– И рыбу тоже. Тебе только пару раз попробовать, потом втянешься так, что с озера не оттащишь.

– Нет, дорогой, рыбалка не для меня.

– Что ж, поживем – увидим. Ты поднимись к дочери, попытайся пораньше уложить ее спать, а я пойду с охранником переговорю. Потом в душ – и в спальню. Надеюсь, ждать тебя долго не придется.

– Это уже зависит не от меня.

Поцеловав супругу в шею, отчего та вздрогнула, поджав плечо, Голубев вышел из гостиной.

На улице увидел сидевшего у пихты на скамье с навесом Евгения Каршина, молодого парня двадцати пяти лет, два года отслужившего в десантных войсках и третий год работавшего у Голубева ночным охранником усадьбы. Общей охраны недавно отстроенный поселок не имел, и каждый из обитателей решал проблемы собственной безопасности сам: кто-то держал людей, кто-то устанавливал сигнализацию, а кто-то считал все это совершенно ненужным. Голубев нанял Каршина по просьбе школьного товарища – тот продал свой бизнес и уехал за границу на постоянное место жительства. Людей же, работавших на него,

не бросил, пристроил, кого куда смог. Так в недавнем прошлом сержант ВДВ стал работать на Голубева. Игорь Степанович был человеком нежадным, платил парню хорошо и работой не нагружал – только ночная охрана. Каршина подобная служба устраивала. Когда же ему требовался выходной, он присылал в поселок своего брата. Но это случалось нечасто.

Голубев подошел к охраннику. Каршин, увидев хозяина, встал, по-военному доложил:

– У нас все нормально, Игорь Степанович, десять минут назад совершил обход территории, проверил калитки, центральную и тыловую, освещение. Один фонарь не горит, надо бы вызвать электрика, лампу сменить. А то участок у бани просматривается плохо.

– Да черт с ним, с фонарем, Женя, ты присаживайся. И не надо вставать передо мной в положение «смирно». Мы не в армии.

Охранник сел на прежнее место, Голубев устроился рядом. Протянул Каршину пачку сигарет:

– Закуривай!

Молодой человек вежливо отказался:

– Спасибо, но я к нашей «Яве» привык.

Минут с десять мужчины обсуждали текущие вопросы охраны дома и хозяйственные проблемы. Затем Голубев попрощался и зашел в дом. Каршин вернулся к скамейке. Присел, прикурил новую сигарету, задумавшись. И не заметил, что за ним внимательно следит со стороны тылового забора через щель калитки пара черных безжалостных глаз...

В то же время, когда супруги Голубевы пили шампанское у камина, в 21.40 по грунтовой дороге, набухшей от мелкого дождя, к лесополосе вокруг озера подъехала белая «Нива» и остановилась метрах в ста от усадьбы предпринимателя, скрытая от посторонних глаз довольно густыми зарослями кустарника. В «Ниве» находилось четверо мужчин. За рулем сидел Илья Викторович Гусин, или Гусь, по соседству, на месте переднего пассажира, – Вячеслав Кожанов, он же Кожан; на заднем сиденье – Георгий Окунько, Окунь, и Петр Реньков, Лысый. Все четверо входили в банду Демьяна – Леонида Борисовича Демьянова, – промышлявшую грабежами, угоном автомобилей, а в последнее время выполнявшую заказы некоего Ачила Адаева, бывшего боевика в отряде Басаева, ныне жителя Грозного, продолжавшего террористическую деятельность и состоявшего в руководстве одной из подпольных чеченских организованных преступных группировок.

На Демьянова Ачил вышел через Ивана Степановича Коробко, более известного в криминальном мире просто как Степаныч. Это был старик 73 лет, чуть ли не половину своей жизни прошедший за решеткой и одиноко проживавший на данный момент в собственном старом доме на окраине города. Степаныч одно время сидел вместе с Демьяновым и Кожановым, хорошо знал их, как и Адаева, также бывшего своего сокамерника. Старый дом Коробко в Блачинске по улице Сахарова являлся базой банды Демьяна – там бандиты собирались вместе перед тем, как, обсудив детали, выйти на преступление. До появления Ачила их деятельность ограничивалась только грабежами, кражами, иногда разбоем – без убийств. С появлением Адаева все изменилось, и сегодня банде предстояло выполнить кровавый заказ. Это особо не смущало бандитов; тем более гонорар за предстоящее дело был назначен столь высокий, что ради него отморозки согласились бы на любое преступление.

Остановив «Ниву» перед лесополосой и собственно коттеджным поселком, Гусин взглянул на Кожанова, назначенного Демьяновым старшим.

– Приехали, Кожан! За лесополосой – поселок; крайняя усадьба, почти у озера, – усадьба Голубева.

– Вижу! – ответил Кожанов. Взглянул на часы. – Раньше времени приехали. Придется обождать, пока стемнеет. А темнеет сейчас быстро, не май месяц.

– Скажи, Кожан, а Демьян нам точно отвалит по пол-лимона сразу по возвращении? – сзади спросил Реньков.

– Сказал, что сразу. Ачил ему бабки уже передал.

В разговор вступил Окунько:

– И на хрена чеченцу сдался этот Голубев? Можно было и пожирней карася выцепить. В этом же поселке.

Кожанов повернулся к нему:

– Ты будь доволен, Окунь, что теперь по наводке работать будем. Что скажут, то и делаем. И за приличные бабки, а не за эту мелочь, что сшибали сами. Где бы мы без Ачила за один вечер сняли бы сразу два лимона?

– Это верно. По наводке работать можно. Главное – самим макушку не ломать, кого, где и когда бомбануть так, чтобы к ментам не попасть. Заказ отработать – совсем другое дело.

– Вот и не спрашивай ерунду, на хрена сдался Ачилу голубок Голубев вместе с его семьей. Нас это не касается... Так, время идет; сидеть нам тут всем не по кайфу. И дело надо готовить. Так что, давай, Лысый, иди-ка ты к усадьбе.

Реньков нагнулся к сиденью Кожанова:

– И че там делать?

– Не кипеши, слушай! Пройдешь к усадьбе берегом озера, дождь как раз в жилу. Дохрешь до заднего забора, найдешь место, откуда просматривается территория, поглядишь, что к чему. Демьян говорил, хату охраняет один пацан, спать Голубевы ложатся обычно в одиннадцать. Значит, в полдвенадцатого начнем! Кто и что будет делать, скажу позже.

– А что за сямка охраняет голубков? – поинтересовался Гусин.

Кожанов усмехнулся:

– Между прочим, сямка, как ты охранника назвал, в десанте служил, воевал. Так что с ним не все так просто.

Реньков воскликнул:

– Да ладно, тоже Рэмбо нашелся, я лично этого десантника удавлю. Пикнуть, козел, не успеет!

– Все слышали? – спросил Кожин. – Я никого за язык не тянул. Лысый сам напросился мочкануть охранника. Значит, так тому и быть!

– И мочкану!

– А у тебя другого выхода нет, Лысый. Либо ты его, либо он тебя. Но учти: не справишься, поднимется шум – за срыв отработки заказа ответишь по полной.

– Вот только пугать меня не надо, ладно, Кожан?

– Я и не пугаю. Здесь все давно пуганые. Чего ждем?

– Так мы не в «Форде» Демьяна, в «Ниве» задних дверей нет!

Кожанов вышел из машины, откинул к передней панели спинку сиденья, позволив и Ренькову выбраться наружу, поднял ворот пиджака:

– Черт! Ну погодка сегодня выдалась. Будто не август, а октябрь на дворе.

– Самое то! Следы смое!

– Это на улице, а в хате? Представляешь, сколько грязи нанесем?

– Ничего! Как выйдешь к усадьбе да выберешь место, отзовишься по мобиле.

– Лады!

Реньков спустился к песчаной береговой полосе и направился вдоль озера к поселку. Кожанов сел на прежнее место, достал фонарик и лист бумаги, на котором были нанесены схемы усадьбы и дома Голубевых, задумался. Впрочем, ненадолго. Уже через десять минут его сотовый телефон провибрировал сигналом вызова.

– Слушаю!

– Я у задней калитки забора. Тут щели приличные, к тому же фонарь у бани не светит; отсюда вижу дом и охранника на скамейке под навесом. Только что присел – видно, территорию обходил; ветровка у него мокрая, снял ее, повесил на скамью. В доме свет и на первом, и на втором этажах. На первом – в двух окнах гостиной, на втором – в одном. Там наверху наверняка девка голубков уроки учит.

– Какие уроки, придурок? Сейчас у школьников каникулы, а дочери Голубевых 14 лет; значит, она либо в восьмой, либо в девятый класс пойдет! Уроки...

– А чегой-то я придурок, Кожан? Ну, забыл про каникулы, и че?

– Ниче! Смотри за территорией и домом. Кстати, как тебе охранник? Сявка?

– Пацан как пацан, я его сделаю!

– Конечно, Лысый! Только все же помни, что он в ВДВ служил...

– У меня корешок в бригаде спецназа ГРУ два года оттрубил. Хлеборезом. И с виду крутой, накачался в столовой. И тоже базарил, что в Чечне был, а чуть...

Кожанов прервал Ренькова:

– Хорош базарить! Будет еще время поговорить, сейчас работай.

Старший группы бандитов отключил телефон. Выключил мобильник и Реньков, сплюнув в траву. Проклинаая дождь, он припал к щели между столбом и плитами металлического профиля, из которых и состояла задняя часть забора усадьбы Голубевых. Кожанов тем временем вернулся к схемам.

Вскоре Реньков вновь позвонил:

– Кожан! К охраннику из дома вышел Голубев.

– Проверяет службу?

– Ну, что-то вроде... Присел рядом с ним. О чем-то разговаривают.

– Хозяин снизошел до общения с челядью?

– Хрен его знает. Закурили. Да, еще дым из каминной трубы ослаб. Почти не виден.

– Значит, на покой собираются голубки, а хозяин вышел проветриться перед тем, как трахнуть свою женушку на сон грядущий.

– Скоро оттрахается, козел!

– Он – да, а бабе еще придется корячиться. И не только ей... Я все понял, продолжай наблюдение.

И Кожанов отключил телефон, положив его в карман рубашки.

– Чего там, Кожан? – спросил Окунько.

– Все путем. Хозяин прогуляться вышел.

В половине одиннадцатого Реньков сообщил, что Голубев вернулся в дом, охранник продолжает сидеть на скамье. Спустя десять минут передал, что свет в доме погас.

Приняв сообщение, Кожанов повернулся так, чтобы видеть и Окунько, и Гусина.

– Гусь! Остаешься в тачке. Смотри, чтобы никто из посторонних к тебе не вышел.

– Это ночью-то?

– А утром мы уже будем в городе бабки считать.

– А если кто выйдет, че делать?

– Сам не догадываешься?

– Валить?

– Нет, рассказать, кто мы и для чего приехали, и отпустить. Чтoб тот в ментовку позвонил. Можешь даже мобилу свою гостю предоставить, чтобы не метался в поисках телефона.

– Понял! Труп в озеро?

Кожанов внимательно посмотрел на водителя:

– Ты, случаем, перед выездом дури не принял?

– Ты же знаешь, что я не увлекаюсь этой хренью!

– Тогда какого черта глупые вопросы задаешь? Мне до звезды, куда ты денешь труп; хоть на дерево подними, но чтобы менты его сразу не нашли. Понял? Вот и хорошо!

Кожанов повернулся к Окунько:

– На выход, Окунь!

Старший банды Демьяна и второй его подельник вышли из салона. Пошли к усадьбе той же дорогой, что ранее и Реньков, по песчаной полосе вдоль озера, оставляя следы, которые тут же размывал мелкий, но плотный затяжной дождь. Бандиты подошли к Ренькову.

– Ну что тут? – спросил Кожанов.

– Да все в ажуре. Охранник обошел территорию, постоял возле бани, вернулся на скамью; можешь взглянуть, сидит под навесом, курит.

– Так, что у нас с соседями?

– И с соседями все пучком, – ответил Реньков. – Спят соседи. В соседнем доме вообще никого нет, даже охраны. Напротив в особняке видел молодую пару – видно, либо сын хозяйина со шлюхой, либо дочь с бойфрендом. Молодые, лет по 17. Но там два охранника. Правда, они в сторожке, поэтому здесь надо снять десантника тихо.

– Ты ж его и будешь снимать. Или уже сомневаешься, что легко и без шума завалишь его?

Реньков достал из кармана шелковый шнур:

– Эта удавочка в момент горло перережет, лучше любого тесака.

– К охраннику еще подойти надо...

– Подойду. Как обход делает, так и подойду. Дождь по листве бьет, листва шелестит, и между навесом и спинкой скамьи как раз место, чтобы набросить шнур. И все дела.

Кожанову не понравилась самоуверенность подельника и, несмотря на то что он знал – Лысый не подведет, работает всегда спокойно и аккуратно, – проговорил:

– Не слишком ли ты расслабился, Петя?

– Я знаю, что говорю!

– Ну, смотри!

Кожанов отвел бандитов в сторону:

– Значит, так, братва. Как только охранник сделает очередной обход, но не раньше полдвенадцатого, на территорию усадьбы со стороны бани проникает Лысый!

Реньков, поигрывая удавкой, согласно кивнул совершенно лишенной волос головой.

– Далее... – Кожан взглянул на Ренькова. – Далее, ты, Петя, осторожно, прикрываясь кустами, обходишь коттедж и заходишь за спину охраннику. Давишь его, оттаскиваешь труп к бассейну и опускаешь в воду.

Реньков вновь согласно кивнул:

– Понял, сделаем.

Кожанов продолжил:

– После устранения охраны в усадьбу проходим мы с Окунем. Ты, Лысый, остаешься во дворе, на стреме, мы заходим в дом. На мне муж с женой, на тебе, Окунь, – бандит взглянул на подельника, – их дочь. В хате разберемся, кто и где из них будет находиться.

– А что, Демьян на схеме не указал, где чьи комнаты? – спросил Окунько.

– Указал, но жертвы могут залечь на ночь и в других помещениях, а их только на втором этаже четыре. Захочет девчонка – и ляжет в одной из гостевых комнат. Такое не возможно?

– Возможно!

– Вот и я говорю, разберемся с семейкой в хате. Девку, Окунь, отработав, тащишь в спальню или комнату, где буду находиться я с родителями, а точнее, с ее мамашей. Там и оставим их, как сделаем все, что надо. Презерватив не забыл?

Окунько усмехнулся:

– Взял. Два, импортных. Хотя ужас как не люблю трахаться с резиной.

– Я тоже, но не оставлять же нам малофейку ментам? По ней они нас вычислят очень даже быстро.

– Зря мы тогда в парке студентку подмяли. Сейчас нечего было бы опасаться.

– Что было, то было. По пьянке чего только не натворишь. Но раз засветились в сквере, то здесь следов оставлять нельзя!

– Ежу понятно!

– Работаем в перчатках с момента перелезания через забор. И пока не отвалим отсюда, перчатки не снимаем.

За изгородью послышался какой-то шум. Кожанов перешел на шепот:

– Кажись, охранник на обход территории вышел. Давай, Лысый, к своей щели. Посмотри, да тихо, как мышь!

Реньков бесшумно прошел к месту, откуда следил за усадьбой. Оттуда повернулся, посмотрев в щель, кивнул: да, охранник вышел на обход. Старший банды взглянул на часы, так же шепотом проговорил:

– 23.20! Нормально. Десантник словно подыгрывает нам. По нашему графику пашет. Отойдем к кусту, Окунь.

Кожанов и Окунько прошли метров пять к озеру, присели за кустом сирени на корточки. Кожан сказал:

– Лысый слишком самоуверен, тебе не показалось?

– Есть немного! – согласился Окунько.

– Представляешь, что произойдет, если десантник вырвется из захвата?

– Че тут представлять? Повяжет Лысого и поднимет шум. Соседние охранники явятся, ментов вызовут. Те сюда быстро прилетят. Это тебе не деревня какая, здесь караси жирные обитают. Отстегнут за усердие.

– Вот именно! Поэтому подстрахуешь Лысого.

Окунько посмотрел на старшего поделщика:

– Как?

– Пойдешь в усадьбу следом за ним, но до дома. За углом остановишься. Посмотришь, как Лысый завалит охранника. Если у того возникнут проблемы, поможешь!

– А! Понял!

– Потом ждешь, пока я не выйду с другой стороны дома. После того как Лысый утопит труп охранника и выйдет к скамье, заходим в хату. Ну, а там по плану. Осмотрим быстро первый этаж – и на второй.

– Ясно! Лысому о том, что я буду его прикрывать, скажем?

– Нет, не надо. Ты его натуру знаешь, посчитает, что мы не доверяем ему. И тогда с ним хлопот не оберешься. Не надо ему ничего знать!

– Лады! Гляди, чей-то он машет рукой?

– Вроде как зовет! Ну да, подзывает. Чего там у него? Идем, узнаем.

Кожанов с Окунько, пригибаясь, подошли к Ренькову:

– Чего, Лысый?

– Нормалек! Можно начинать. Охранник быстро обошел территорию, особо не осматриваясь, и опять угнезвился на скамейке. Вторую пачку сигарет открыл. Сидит, козел, курит...

– Черт с ним! Давай, Петруха, пошел!

– Ну, с богом!

– Ты еще перекрестись. Нам не к богу, а к сатане обращаться за помощью надо. Продались мы ему с потрохами... Хотя лично я не верю ни в того, ни в другого.

– Гореть тебе в аду, Кожан!

– На одном с тобой костре! Пошел!

– Угу!

Натянув перчатки, Реньков двинулся к повороту ограды. Перелез через забор за баней, откуда и начал медленно, тихо обходить место, где сидел несчастный охранник. Если бы мысли парня не были далеко от усадьбы, если бы любимая девушка не предала его, он, как разведчик, услышал бы приближение противника. И тогда планы бандитов потерпели бы полный крах. Но Евгений Каршин думал о Нине, о том, как ему жить дальше. Жить без нее. А жизни той оставались считанные минуты.

Реньков подобрался к охраннику осторожно. Он обладал врожденной способностью передвигаться бесшумно там, где это казалось невозможным. И шаг за шагом, напрягшись, сближался с жертвой. Он вышел к лавке, видел спину и склоненную вниз голову охранника. Криво ухмыльнулся, предвкушая легкую расправу, достал из кармана шнур. За его действиями из-за угла коттеджа внимательно наблюдал Окунько. Еще секунда – и удавка мертвой петлей стянет шею жертвы...

Но тут инстинкт десантника все же подсказал Каршину, что рядом опасность. Он резко встал в тот момент, когда Лысый уже протянул руки к его голове. Встал и так же резко обернулся. Бандит, рассчитывая на пассивное, кратковременное и бесполезное сопротивление жертвы, потерял опору и, поскользнувшись, навалился на спинку лавки. Увидев преступника и удавку в его руках, Каршин сориентировался быстро. Не раздумывая, он нанес удар кулаком по затылку Лысого и следом провел второй удар в челюсть, снизу вверх, отбросив бандита от скамьи к кусту. Бросился на него. Лысый попал в критическое положение. Охранник мог свободно лишить его сознания, а затем встать на пути остальных, вызвав поддержку и тем самым не только сорвать акцию, но и раскрыть банду. Реньков ничего не смог бы сделать и оказался бы в милиции. А уж там его раскололи б, как грецкий орех.

И вот тогда сработала страховка опытного в подобных ситуациях Кожанова и расторопность Окунько. Последний, увидев, что десантник ушел от смертельного захвата и сам обезвредил Лысого, ринулся к месту схватки, на ходу вытащив из чехла заточку. Евгений, занятый Реньковым, услышал и приближение Окунько, но слишком поздно. Каршин бросил первого напавшего, вскочил, повернулся лицом ко второму бандиту, чтобы отбить и его нападение, но тонкое лезвие заточки насквозь пробило его сердце и все тело, выйдя окровавленным острием из-под лопатки. Евгений охнул, в глазах вспыхнул багровый свет, сознание затуманилось. Ноги подкосились, и пробитый насквозь десантник рухнул на траву рядом с обезвреженным бандитом. Несколько раз дернулся в предсмертных судорогах и затих. Окунько перевернул на спину нокаутированного Ренькова, осмотревшись, похлопал ладонью руки, облаченной в перчатку, по щекам:

– Эй, ликвидатор долбаный! Живой?

Пришедший в сознание Реньков проговорил:

– Живой вроде! И как он, козел этот, увернулся? Не врубаюсь.

– Говорить можешь – значит, челюсть цела; хотя, признаться, я думал, охранник свернул тебе ее вторым ударом. Лихо он тебя отработал! А ты, раздолбай, чуть все не испортил. Если б не я, то сюда сейчас уже ввалилась бы свора цепных псов. И из-за тебя всех бы повязала в этой дерьмовой усадьбе. Так что ты мой должник теперь.

– Какой базар, Окунь? Ящик водки с меня!

Окунько усмехнулся:

– Водки? Нет, Лысый, водкой ты не отделаешься, долей поделишься. А сколько отдашь, решу позже.

– Ты не охренел, Окунь?

– Нет! И ты мне заплатишь!

К бандитам, оглядываясь на фасад здания, подошел Кожанов, взглянул на Ренькова, передразнил его:

– Лично десантника удавлю, пикнуть не успеет... А тот не только пикнул, а чуть тебя самого не удавил.

– Ну, ладно, че теперь об этом? Хрен его знает, как вывернулся, сука... Кожан, Окунь за то, что помог мне, счет выставляет!

– Правильно делает. Но об этом потом. Сейчас надо доводить дело до конца. Хорошо, дождь усилился, звуков борьбы не было слышно и никто на них не повелся. – Кожанов наклонился над Реньковым: —Ты долго на траве мокнуть будешь? Работать можешь?

Лысый поднялся, отряхнулся.

– А че мне? Конечно, могу!

– Тогда тащи десантника к бассейну, бросай в воду, и быстро обратно. Из-за тебя двадцать минут потеряли.

– Сейчас! Я мигом эту суку на дно отправлю. Окунь, заточку вытаскивать будешь?

– Нет! Ничего вытаскивать не надо, пусть все остается так, как есть, – отрезал Кожанов.

– Понял. А жаль, хорошая заточка...

– Ты работать будешь или п...ть?

– Все, все!

Реньков приподнял тело убитого охранника.

– Тяжелый, тварь!

– Волоком тащи! – приказал Кожан. – Да обходя дом, кустами!

Лысый поволок труп к бассейну. Вернулся минут через пятнадцать.

Кожанов взглянул на часы:

– 23.57. Голубки должны спать.

– Если не продолжают трахаться, – усмехнулся Окунько. – Кто знает, что у бабы за темперамент? Иная так оседлает, не знаешь, как сбросить.

– Мы ждать не можем! Трахаются – хрен с ними, придется обломать кайф. Лысый, ты на стреме, да не расслабляться, крути «башней»; смотри, чтобы ни одна сука не проникла на территорию. Мы с Окунем в дом!

Реньков кивнул:

– Все будет ништяк! Я за кусточком у дерева встану. Если кто и объявится, завалю.

– Смотри, одного ты уже «завалил»! Ладно, идем, Жора.

Вячеслав Кожанов и Георгий Окунько двинулись к центральному входу особняка Голубевых. Кожан нес ключи, забранные у охранника перед тем, как отправить его труп в бассейн.

Дверь открылась легко, без скрипа. Бандиты прикрыли ее за собой, прошли в гостиную. Здесь Кожан поднял руку вверх. Убийцы остановились, прислушиваясь к тишине дома. Слушали с минуту. Затем Кожанов нагнулся к Окунько:

– Твоя левая сторона, моя правая. Обходим все помещения.

– Понял!

– Давай, тихо, начали!

Бандиты разошлись по первому этажу. Обход провели быстро минут за пятнадцать. Никого не обнаружив, встретились в гостиной. Кожанов указал на лестницу:

– Подымаемся вместе. Спальня Голубевых на схеме сразу слева по коридору, справа через гостевую комната дочери. Но ты, как я войду в спальню, посмотри и гостевую комнату. И еще раз предупреждаю: работаем в резине.

– Да помню я все!

– Вперед!

Бандиты поднялись на второй этаж.

Кожанов указал на себя и на первую дверь слева по коридору, достал нож, аккуратно потрогал лезвие, ухмыльнулся, указал подельнику на коридор. Окунько двинулся к третьей

справа двери, где спала дочь Голубевых, четырнадцатилетняя Галя. Музыка утомила ее, и она уснула, не разбирая постель и не раздеваясь, в халатике, сбросив на ковер наушники. Засыпали после бурной, страстной и сладостной близости и родители Галины, супруги Голубевы. Ирина, поцеловав мужа, отвернулась от него, заняв любимое свое положение – руки под сложенной вдвое подушкой, край одеяла между ног. Игорь Степанович обнял жену, но потом тоже отвернулся, так удобнее. Они не успели погрузиться в сон, как дверь их спальни раскрылась, и свет люстры осветил небольшую, но уютную, обставленную дорогой мебелью комнату. Открыв глаза и сощурив их от света, хозяин дома недоуменно спросил:

– Что такое?

Ответа он не услышал.

Кожанов, рывком открыв дверь, нащупал выключатель и перевел тумблер вниз. Спальня осветилась всеми четырьмя лампами красивой, модной люстры. Голубев, прищурив глаза, спросил:

– Что такое?

Значит, проснулся или не успел заснуть. Повернулась к двери и супруга.

Кожан не ответил на вопрос Голубева. Он прошел к двуспальной кровати и молча одним взмахом рассек горло приподнявшегося на локте Игоря Степановича. Тот схватился за рану, из которой ударила кровь, и, захрипев, повалился на постель, головой вниз, к коврику, обильно обливая его алым. От увиденного Ирина широко раскрыла глаза и рот, но ни кричать, ни двинуться с места не смогла. Ее охватило оцепенение. Впрочем, длилось оно недолго. Кожанов, вскочив на кровать и переступив через умирающего Голубева, ударом ботинка в хрупкие ребра, сбросил женщину на пол. Следом спрыгнул сам. От падения короткая розовая прозрачная комбинация Голубевой задралась вверх, оголив интимное место женщины. Увидев промежность жертвы, округлые формы ягодиц и торчащие, красные соски пышных грудей, вывалившихся наружу, Кожанов почувствовал, как острое желание стремительно заполняет его. Он уже хотел наброситься на эту сучку, чтобы извращенно, грубо, сознательно причиняя боль, изнасиловать ее, но крик в комнате дочери Голубевых, Галины, привел его в чувство. Кожан тряхнул головой, отгоняя соблазн. Временно отгоняя. Лежавшее тело еще будет извиваться под ним, но не сейчас, позже, когда банда получит то, за чем пришла.

– Кто вы? За что? – вскрикнула женщина.

Кожанов нанес удар Ирине в лицо, разбивая губы, ломая зубы. Затем схватил за волосы, поднял, бросил в кресло, еще раз ударил, на этот раз в переносицу. Кровь хлынула изо рта и из носа. Бандит не обращал на это внимание. Он достал из кармана моток веревки и связал жертву так, что Ирина не могла пошевелиться. Разбитый рот Кожан заклеил липкой лентой, оставив край, чтобы, когда надо, снять ее. Ударил Ирину по щеке. Она пришла в себя, раскрывшимися от боли, ужаса и непонимания происходящего глазами глядя на палача.

А Кожанов присел напротив жертвы. Взял со столика стакан сока, отпил половину. Сморщился.

– И что за мочу вы пьете? Не сок, а хрень какая-то. А может, это и есть моча? Ты мужу «золотой дождь» выдавала? Частью в стакан, чтобы потом пить? Вообще-то моча, она полезная. Так вы занимались перед сном извращенным сексом?

Ирина Петровна что-то промычала.

Кожанов усмехнулся:

– Не хочешь говорить. Не надо, я и сам вижу, что занимались. А фигурка у тебя ничего, ротик пухленький. Минет мужу небось делала? Впрочем, можешь не отвечать, конечно, делала. А любовнику? Или скажешь, у тебя нет любовника и никогда не было? Вот в это не поверю. Такая телка не может не трахаться на стороне, с тем же охранником, например.

Муж-то деловой, все время занят... был! Ты такая же шалава, что и другие, из тех, кто живет в таких особняках. Страшно сейчас? Муженька зарезали, неизвестно, что с дочкой...

Ирина дернулась в кресле, глаза наполнились слезами.

Кожанов же продолжал свою дьявольскую игру:

– Да, а кстати, что у нас там с твоей комсомолкой? Ей четырнадцать? Раньше в эти года в комсомол принимали. Не всех, меня вот не приняли, потому как под следствием был. Засадил одному старикану пику в бок. Бабки нужны были на вино, сигареты, а предки не давали. Сами все до копейки пропивали. Но к теме...

Он крикнул в коридор:

– Окунь!

– Да?

– Ты чего там застрял?

– Да вот девчонка крепко уснула, будить долго пришлось, но мы идем, идем!

– Давай! А то мамаша тут переживает. Нервничает...

Притворив вторую справа комнату, оказавшуюся пустой, Окунько прошел к третьей – комнате дочери Голубевых, Галины, таковой она и была отмечена на схеме Демьяна. В отличие от Кожана, Окунько осторожно приоткрыл дверь. Ему не надо было включать свет – на стене над кроватью горел светильник. Девчонка с распущенными русыми волосами спала на не разобранной постели в халате. Рядом на ковре валялись наушники, ближе к письменному столу – аудиоплеер. Девушка лежала спиной к двери, и бандит при виде выпяченных упругих ягодиц довольно усмехнулся, подумав – хороша попка, самое то. И неважно, что морда может быть страшнее обезьяней. Морду, ее и прикрыть можно. А вот из худой жлыги аппетитную куклу не сделаешь.

Услышав шум в спальне родителей, начал действовать и Окунько. Он подошел к кровати, схватил спящую девочку за волосы и рывком сдернул на пол, на ковер. Это причинило Галине сильную боль, от которой она с криком проснулась. Этот крик и слышала ее мать, сброшенная на пол другим бандитом. Окунь, дабы прекратить крик, ударил Галину ногой в голову, стараясь не попасть в висок. Крик оборвался. Окунько сорвал с девочки халат – пуговицы полетели в разные стороны. Под халатом ничего не было. Развернув жертву на спину, бандит сжал упругую грудь уже сформировавшейся девушки, но закричать от новой боли не дал, зажав рукой рот.

– Тихо, соска! Молчи, или удавлю, как цыпленка. Поняла, тварь?

Испуганная до смерти Галя утвердительно закивала головой. Окунько спросил:

– Значит, будешь вести себя хорошо?

И вновь девочка испуганно и утвердительно закивала головой.

Бандит убрал руку с ее рта:

– Вот и хорошо, молодец! Старших надо слушаться. А сиськи у тебя, как у взрослой.

Какой размер? Третий?

– Второй... – прошептала Галина.

– Да? Тоже неплохо. А что у нас между ног?

– Не надо!

– Раздвинь ласты, сука!

Девочка подчинилась.

Убийца, насильник и извращенец Окунько, глотая обильно выделившуюся слюну, проговорил, глядя на нежные прелести девочки:

– Кайф! Ничего не скажешь! Целка еще? Или кто-то уже успел распечатать?

– Я... я... девочка!

– Ну понятно, что не мальчик; спрашиваю, девственница?

– Да!

– Охренительно! Это молодец, что блюла себя. Очень правильно делала!

Окунько провел рукой между ног Галины. Девочка вздрогнула и сжала ноги. Это не понравилось бандиту:

– Ты че, сука? Сказано, раздвинуть ляжки и так лежать, пока при памяти.

– Не трогайте меня!

– Чего? Ты, мокрощелка, еще вякать будешь? А не хочешь, я прямо сейчас тебе болт в пасть засуну и заставлю сосать, как леденец?

– Не буду!

– Ах ты, сучка непробитая...

Размахнувшись, Окунько дважды ударил девушку по лицу. Щеки тут же покраснели, из рассеченной брови пошла кровь. Галина, заплакав, попросила:

– Дядя, отпустите меня... пожалуйста. Мне всего 14 лет! Я никому ничего плохого не сделала...

Окунько усмехнулся:

– Так-то лучше! Значит, никому ничего плохого не делала? А я делал, многим и много раз. И сегодня сделаю. Догадайся, кому?

– Не надо... я боюсь!

– Еще бы! Ведь самое страшное тебя, соска, ждет впереди.

Из коридора послышался окрик Кожана:

– Окунь!

– Да?

– Ты чего там застрял?

– Да вот девочка крепко уснула. Будить долго пришлось, но мы идем, идем!

– Давай! А то мамаша тут переживает. Нервничает.

Окунь взглянул на Галю:

– Слышала? Мамуля переживает. Вставай, пойдём! Она тебя пожалеет.

– Мне надо одеться...

– Так сойдет.

Окунько за руку рывком поднял с ковра Галину и, схватив ее за щуплую шею, потащил в спальную комнату родителей. В комнату, превращенную безжалостными бандитами в плаху.

Глава 2

При виде голой, избитой дочери, введенной в комнату вторым бандитом, Ирина Голубева вскрикнула. Ее крик заглушила лента. Девочка же, увидев связанную мать, вздрогнула, а когда посмотрела на кровать, закричала. Окунько ударил ее по ногам, притянул к себе, закрыв рот широкой ладонью, развернув к стене.

– Молчи, тварь, я же предупреждал тебя!

Кожанов пододвинулся к креслу, в котором сидела супруга убитого предпринимателя, и взглянув ей в глаза, спросил:

– Жить хочешь, красотка?

Голубева утвердительно кивнула и указала глазами на дочь. Бандит понял смысл взгляда:

– Ты также хочешь, чтобы мы не тронули и дочь?

Ирина закивала.

– Объяснимое желание, – усмехнулся Кожанов. – Тогда поговорим. Сейчас я сниму ленту с твоего рта, и поговорим. Ответишь на несколько вопросов, и мы вас не тронем. При условии, естественно, правдивых ответов. Попытаешься обмануть или закричать – первой пострадает дочь. Хотя вряд ли кто со стороны услышит, но лучше, если ты не будешь кричать. Я понятно объясняю?

Женщина вновь утвердительно кивнула головой.

Кожанов снял ленту с лица жертвы. Голубева глубоко вздохнула и тут же попросила:

– Отпустите, пожалуйста, Галину и дайте ей возможность одеться.

Кожанов повысил голос:

– Я же сказал, от тебя требуется одно – ответить на несколько вопросов. И больше ничего. Потом сама нарядишь свою дочь.

– Понятно, спрашивайте.

– Где документы и ключи от машин?

– Так вам были нужны машины? Вы за ними пришли?

– Ты что, сука, плохо врубаешься? Сколько раз говорить, что ты должна только отвечать на вопросы? Не слышу ответа.

Голубева сказала:

– Насколько знаю, Игорь... Господи, за что вы убили его... из-за каких-то...

– Где документы и ключи?

Женщина, сдержав слезы, ответила:

– Насколько знаю, Игорь держал их либо в борсетке, либо в кейсе.

– Где борсетка и кейс?

– Наверное, у него в кабинете. Точно не знаю.

– Где кабинет?

– Напротив комнаты Галины.

Кожанов повернулся к подельнику:

– Окунь! Девушку на пол, сам в кабинет! Кейс и борсетку сюда.

Окунько свалил на ковер дочь Голубевых, предупредив:

– Не вздумай дергаться, дура, башку потеряешь.

– Она не дернется! – сказал Кожанов. – Я прослежу. Ступай. Да быстро!

Окунько вышел из спальни. Кожанов повернулся к Голубевой:

– На «Лексусе» транзитные номера?

– Бумажные.

– На кого оформлен внедорожник?

– На мужа.
– А кто пригонял его сюда?
– Не знаю, какой-то мужчина, муж... покойный муж называл его гонщиком.
– Ясно! А «Паджеро» на кого оформлен?
– На меня, но пользовался машиной муж.
– Ясный палец. Баба за рулем – все одно, что обезьяна с гранатой. Документы на «Паджеро» также в борсетке или кейсе?

– Наверное, но, может быть, и в машине.

Вошел Окунько, поставил на столик кейс и борсетку. Кожан приказал:

– Вытряхни все из них, найди документы на «Лексус».

Окунько выполнил распоряжение старшего банды. На стол легли какие-то деловые бумаги, выключенный сотовый телефон, паспорт Голубева, удостоверение водителя, дорогая ручка в золотой оправе, чехол с очками, зажигалка и несколько пачек сигарет «Кент». Среди бумаг Окунь отыскал файл с документами на «Лексус», паспорт технического средства, договор купли-продажи по доверенности, страховку на три месяца, сервисную книжку. Документов на старый автомобиль не было. Кожанов спросил Ирину:

– У вас вход в гараж с улицы или есть проход и из дома?

– И с улицы, и из дома.

– Где из дома?

– На первом этаже дверь рядом с ванной комнатой.

– Она открыта?

– Если закрыта, то ключ в замочной скважине.

Кожан поднял руку:

– Окунь! Проверь!

Окунько вновь покинул спальню. Вернулся быстро, спустя несколько минут. Доложил:

– Порядок! Бумаги в машине, там же бланки доверенностей. А «Лексус», Кожан, сказка! Вот кому-то подвезет...

– Молчи, следи за дочкой, она что-то ерзать начала.

Девушка проговорила:

– Я в туалет хочу!

Физиономия Окуня расплылась в похотливой ухмылке.

– Обоссалась, сучка молодая. Че с ней делать, Кожан? Пусть тут проссытся?

Старший банды приказал:

– Отведи в туалет! Дверь не закрывай, пусть при тебе мочится или что там ей приспичило; гляди, чтобы не слиняла.

– Понял! Пойдем, сучка, дядя проводит тебя до унитаза.

Окунько вывел девочку. Кожанов откинулся на спинку кресла:

– Так, с машинами разобрались. Как ты поняла, мы заберем их.

– Да забирайте, черт с ними. Мужа-то зачем было убивать?

– Опять забываешься?! Но ладно, чтобы прояснить ситуацию, скажу: твой муженек, Ирина Петровна, был паскудным человеком. Это для тебя господин Голубев являлся идеалом, что не мешало иметь любовника на стороне... молчи... был у тебя любовник. Так вот, дома Голубев вел себя как добропорядочный семьянин, заботливый муж, образцовый отец, да и на работе тоже, а вот компаньонов кидал. Тебе необязательно знать, что такое кидалово, но за это карают строго. Голубеву долго везло, он обирал партнеров, которые не могли спросить за кидок. Но вот нарвался на серьезных людей – и попал на большие бабки. А главное, подписал себе приговор. Ты думаешь, твой муженек мягкий и пушистый? Нет, дорогуша, это дома он расслаблялся, а вне семьи вел себя совсем по-другому. По милости Голубева не

один его бывший коллега разорился, а некоторые и руки на себя наложили. Обдирал их твой Игорь Степанович по полной. До нитки. Так что он ответил за то, что заслужил.

– Это ложь! Этого не могло быть! – воскликнула Голубева.

Кожанов лгал: Голубев вел чистый бизнес, насколько это возможно в России, но бандиту доставляло удовольствие играть с беззащитной жертвой, как коту с мышкой, чувствуя полную ее от себя зависимость, страх, подчинение.

– Я все сказал; хочешь – верь, хочешь – нет! Но подумай сама, стали бы мы его валить, если хотели угнать только машины? Да мы бы вытряхнули его гонщика из «Лексуса», когда тот гнал тачку из Москвы, а «Паджеро» увели бы со стоянки. Легко и просто. Твой муж ответил за паскудство. Таких, как он, не жалеют ни на воле, ни на зоне. Надо было думать, когда кидал других.

– И все равно я вам не верю!

– Твое дело. Продолжим разговор. Где ты хранишь свои драгоценности, украшения? И где их хранит дочь?

Ирина безразлично ответила:

– В гостиной, в шкапулке, что в ящике старого секретаря у пианино. В шкапулке и мои украшения, и дочери. Все!

– И много там ценных вещей?

– Много. Муж часто делал подарки.

– Еще бы, бабло у него водилось. Значит, в шкапулке. Прямо-таки все, что имеете?

– Да.

– Говори правду!

– Я говорю правду.

– Смотри, мы обыщем дом, и если найдем что-нибудь ценное, кроме того, что лежит в шкапулке, то и ты, и дочь будете наказаны. Жестоко наказаны.

– Будто вы оставите нас в живых и без этого?

– Серьезные люди, – с напускной серьезностью сказал Кожанов, – которых так опрометчиво кинул твой муж, послали нас разобраться только с ним, забрать все ценное, машины и деньги в счет частичного погашения убытков, нанесенных им господином Голубевым. Убивать вас у меня приказа нет.

– Но мы же свидетели...

– Не думаю, что ты настолько глупа, чтобы рассказать ментам, кто убил мужа. Ведь тогда и ты подпишешь себе смертный приговор. И не только себе, но и дочери. Кстати, о деньгах. Вы недавно продали квартиру. Где бабки за нее?

– Или в сейфе, или в банке, муж не посвящал меня в подробности своих финансовых дел.

– А где у нас сейф?

– В кабинете, где ж ему быть?

– В кабинете? Хорошо!

Окунько ввел в комнату девушку и бросил ее на пол.

– Ты в кабинете сейф видел? – спросил у него Кожанов.

– Нет! Стол видел, кресло, диван, шкафы какие-то; сейфа не заметил.

Кожан повернулся к Голубевой:

– Мой друг не видел в кабинете сейфа. Что на это скажешь, Ирина Петровна?

– А ваш друг и не мог его увидеть. Сейф потайной.

– Даже так? И где тайник?

– За картиной, что висит между шкафами. Чтобы получить доступ к сейфу, надо приподнять нижнюю часть картины и сдвинуть ее влево. Но замок на сейфе кодовый, а код знал только муж.

Физиономия Кожана помрачнела.

– Ты, значит, кода не знаешь?

– Нет.

– А если подумать?

– Не знаю!

– А если очень хорошо подумать? Предупреждаю, мы не намерены цацкаться с вами.

Ну?

– Не знаю!

Кожанов обернулся к Окунько:

– Картину в кабинете видел?

– Видел.

– Хорошо! Слышал, что сказала хозяйка дома?

– Слышал.

– Ты веришь, что она не знает кода замка?

– Не верю!

– Вот и я не верю. Придется прибегать к крайним мерам. Ты знаешь, что делать, начинай!

Старший банды вновь заклеил рот Голубевой. Окунько в это же время, наступив ногой на спину девочки, криво ухмыляясь, расстегнул ширинку, вытащил наружу возбужденный, солидных размеров член, открыл пачку презервативов и начал надевать резинку на свое мужское достоинство.

Голубева задергалась, замычала. Кожанов не обращал на нее внимания, глядя на действия подельника. Тот, управившись с презервативом, нагнулся к девочке, рывком поднял ее на колени, схватил за бедра, готовый войти в нее. Девочка хотела закричать, но бандит сильно ударил ее по голове, закрыв рот ладонью. Свободной рукой он раздвинул ее ноги. Мать замычала сильнее. Кожан приказал:

– погоди, Окунь! Кажется, мамаша хочет сообщить нам что-то важное!

Он нагнулся к Голубевой:

– Ты вспомнила код?

Ирина утвердительно закивала головой.

Физиономия Кожана перекосило подобие улыбки.

– Ну вот видишь! Зачем обманывала? Чуть дочь не загубила...

Он отклеил край ленты:

– Ну?

Женщина назвала шестизначное число.

Кожан, вернув ленту на место, повернулся к подельнику:

– Окунь! Заклей пасть сучке, свяжи ее и сиди здесь. Я к сейфу! Девку до моего прихода не трогать. Ты понял?

– Понял!

– И мандулу свою в штаны засунь, развесил, как ишак!

Окунько заржал:

– У меня размерчик что надо, бабы визжат от удовольствия.

– О деле думай!

Кожанов вышел из спальни комнаты, прошел в кабинет. Картину, на которой был изображен дом на берегу моря, увидел сразу. Она, как и говорила Голубева, висела между книжных шкафов. Кожан подошел к картине, взялся за багет, намереваясь сдвинуть в сторону, но картина осталась на месте, словно была прибита к стене гвоздями. Кожан вспомнил слова жены убитого коммерсанта и приподнял нижний край. Раздался щелчок, и багет, выйдя из пазов, свободно отошел в сторону. За картиной открылась ниша, а в ней – сейф. На панели

слева – десять клавиш. Бандит нажал на шесть из них. Дверка сейфа открылась. Внутри лежали пачки тысячных и пятидесятичных купюр, а также пачка евро, стянутая резинкой. Кожан довольно усмехнулся. Вытащил из кармана пакет, сложил в него деньги. Осмотрел внутренности сейфа. Кроме каких-то документов, ничего ценного больше не нашел. Прикрыл сейф, картину на место возвращать не стал. Незачем! Да и Демьян приказал имитировать ограбление, сейф или какой-либо тайник не закрывать. С пакетом он зашел в спальню, сказал, взглянув на Окунько:

– С сейфом баба не набздеда, посмотрим, что с ценностями.

Положив пакет на стол и, закрыв опорожненный сейф, Кожан спустился в гостиную. Шкатулку нашел там, где сказала Голубева. Открыл крышку, благо шкатулка не была закрыта. Открыл и присвистнул: она доверху была заполнена драгоценными украшениями. Чтобы рассмотреть их, Кожан высыпал содержимое шкатулки на столик. Увидел и перстни с большими, переливающимися в свете фонаря камнями, и броши, и цепочки, и подвески, и колые – много чего, что стоило немалых денег. Мысль прихватить что-нибудь себе пришлось отбросить. Унести отсюда можно, но Демьян найдет, обязательно всех обыщет. А найдет – лишишься не только заначки, но и головы. Тем более что при назначенном вознаграждении рисковать из-за лишних двухсот-трехсот тысяч станет лишь глупец. Сбросив драгоценности в кейс и осмотрев дом, Кожанов выглянул на улицу. Ренькова не увидел, поэтому тихо позвал:

– Лысый!

Тот внезапно возник из-за угла.

Старший банды от неожиданности вздрогнул, сплюнул на брусчатку двора:

– Тьфу ты, черт бы тебя побрал! Отозваться не мог?

– А че отзываться, если рядом!

– Рядом... Что тут у нас?

– Да все спокойно, тихо, только промок я.

– Не растаешь, не сахарный!

– А у вас какие дела?

– Все ништяк! Что надо, нашли. Осталось с бабами разобраться – и сваливаем!

– Я бы тоже не прочь засадить хоть мамаше, хоть дочери.

– Оторвешься в городе. Мы все оторвемся в городе. С такими деньгами, что получим за Голубевых, все шлюхи Блачинска будут наши.

– Ага! Если Демьян не запретит светиться.

– Тогда трахнешь свою хозяйку, у которой хату снимаешь.

– Та куда не денется, разнообразия хочется.

– Короче, Лысый! Кончай ненужный базар. Будь внимателен, где-то через полчаса-час сваливаем. Смотри тут, чтобы никто из обитателей поселка случайно возле усадьбы не оказался, а с расслабухой я тебе помогу, если что.

– Деньги бы взять...

– Возьмем! В этом не сомневайся. Ладно, пошел я, пора заканчивать спектакль.

Лысый смахнул с физиономии капли дождя:

– И че я не с вами?

– Каждому свое! Исчез!

Кожанов закрыл дверь, направившись в спальню. Реньков, вздохнув, вернулся на свой наблюдательный пост, в кусты у лавки, где он так неудачно схватился с охранником. А в доме началась кровавая оргия – заключительный этап преступной акции бандитов Демьяна против несчастной семьи Голубевых.

Кожан вошел в спальню, поставил кейс на столик, рядом с пакетом.

– Ну, что? – спросил Окунько.

– Все о'кей, Окунь! Не обманула нас Ирина Петровна. Что ничего в принципе не меняет. Давай кончай дочь, а я займусь мамашей. На все у нас с тобой не больше получаса.

Женщина вскричала:

– Что вы задумали? Мы же отдали вам все! И вы говорили, что не имеете приказа убивать нас.

Кожанов усмехнулся:

– Я обманул тебя, дуручка. А что мы задумали? Отвечу! Доставить вам, сучкам, удовольствие перед смертью.

– Беги, Галя! – закричала Ирина.

Кожанов ударом кулака лишил ее сознания, проговорив:

– Куда ж она убежит? – Повернулся к Окунько: —Ну, что застыл? Мокрощелка твоя.

Окунь, засопев, начал срывать с себя одежду. Галя попыталась вырваться, но бандит схватил ее за волосы и ударил лицом о комод. Затем, повернув на спину и раздвинув ноги, грубо вошел в девочку. Она закричала, но рот зажала рука в перчатке. От боли в глазах подростка потемнело. Вскоре она перестала сопротивляться. Тело отяжелело, боль притупилась, сознание затуманилось. Лишь часто билось сердце, и его удары молотом отдавались в висках.

Кожанов сбросил бесчувственное тело Голубевой на ковер, снял брюки, после чего, сорвав веревки вместе с комбинацией, навалился на ее спину, застонал от удовольствия...

Насилие продолжалось около двадцати минут. Первым с 14-летней девушки поднялся Окунько. Он был в крови. Сказал:

– Я кончил, Кожан, три раза, ништяк!

Кожан тоже поднялся:

– Хороша мамаша!.. Быстро в душ, смой кровь – и сюда. Как обмоешься, не забудь перчатки вновь надеть.

– Ага! Я быстро!

Кожанов, натянув брюки и надев туфли, осмотрел место преступления. Предприниматель свесился с кровати, под его головой образовалась приличная лужа крови. Его дочь, растерзанная, порванная, лежала, раздвинув ноги, у комода; грудь часто и высоко поднималась, глаза закрыты. Находилась в шоке. Тем лучше. Не поймет, как умрет. Ирина находилась в сознании. Избитая, она медленно ползла к окну. Кожанов усмехнулся: решила позвать помощь? Он преградил ей дорогу, присев на корточки и достав нож. Спросил:

– Куда это вы направились, Ирина Петровна?

Разбитым ртом женщина ответила:

– Сволочь, нелюдь, зверь! Тебе это так не пройдет. Подохнешь скоро, падаль.

– Вот ты как заговорила? И это вместо того, чтобы благодарить за удовольствие, доставленное тебе? Признайся, такой кайф ты с мужем не испытывала никогда.

– Тварь!

– Что ж, хватит базаров. Пожила красиво, достаточно. Не бойся, дуручка, всем когда-нибудь придется лечь в землю.

Вздыхнув, Кожанов схватил женщину за свалывшиеся волосы, поднял голову и вонзил нож в горло несчастной. Отпустил рукоятку, поднялся:

– Вот и все, оттрахалась, сучка.

Вошел одетый Окунько. Кожанов кивнул на Галину:

– Кончай девчонку, пора уходить!

– Это мы быстро, это сейчас!

Бандит также достал нож и, не дрогнув, перерезал девочке горло. Встал:

– Готово, Кожан!

– Бери кейс, пакет и идем вниз.

Окунько предложил:

– Может, муженька на лестницу бросим?

– Зачем?

– Чтобы менты задали себе тот же вопрос.

– Но тогда и дочь можно обратно в ее комнату отнести. И получится непонятка. Хотя нет, не будем проявлять инициативы. Демьян приказал кончить семью в спальне и обставить все как ограбление. А если растащим трупы, то... один хер выйдет ограбление: машины исчезнут, сейф вскрыт. Но оставим все как есть. Напряги с Демьяном нам не нужны. Забирай добычу – и вниз.

Окунько и Кожанов спустились в гостиную.

Старший банды выключил везде свет, чтобы утром в глаза соседям не бросались светящиеся окна. Чем позже обнаружат трупы, тем лучше. Дождь хоть и ослаб, но еще продолжался. И это было на руку бандитам.

Кожанов приоткрыл дверь, позвал:

– Лысый!

– Тута! – ответил от куста за скамьей Реньков.

– Иди сюда!

Лысый вошел в гостиную.

– У меня все тихо. А вы че, баб уже уделали?

Окунь оскалился:

– Уделали, Лысый, еще как уделали; не знаю, как Кожан, а я давно такого кайфа не испытывал. Рвал сучку с треском. Ух, кайф!

Кожанов прервал Окунько:

– Хорош! Главное сделали: бабки, драгоценности взяли, семью завалили. Теперь добраться бы до города. Значит, так, Окунь, держи бумаги на «Лексус». Ты погонишь его. – Повернулся к Ренькову: —Ты поедешь на «Паджеро», документы на него в машине. Не забудьте оформить доверенности, на всякий случай. И бабки держите наготове, с ходу откупиться от ментов, если налетите на них. Хоть и выбрал Демьян дорогу глухую, проверенную, через промзону, но и на ней всякое случиться может. Внедорожники – в сервис Гиви. Он предупрежден, ждет – с автовозом, который сегодня же утащит тачки из региона. Отсюда выезжаете друг за другом – и сразу вправо на проселочную дорогу в объезд озера; далее знаете, как выйти к промзоне. Передадите тачки Гиви, дождетесь, как начнет работать общественный транспорт, на нем приедете к Степанычу. Я буду ждать вас там.

– С деньгами? – спросил Окунько.

– Или с деньгами, или с Демьяном.

– Лучше с баблом!

– Посмотрим. Что кому непонятно? Я сваливаю прямо сейчас с Гусем на нашей «Ниве». Всем все ясно? Еще раз предупреждаю: перчатки не снимать, тебе, Окунь, избавиться от гондонов в городе. По дороге не бросать. Понял?

Окунько кивнул:

– Понял! Только этой резины в лесополосах немерено, и мусора их не подбирают.

– Подберут, как выйдут на хату Голубевых. Все подберут. Поэтому избавишься от улики в городе, да так, чтобы никто не нашел.

– Понял!

– А раз все понятно, то давайте подготовьте ворота, посмотрите за улицей – и в гараж. Проверьте бензин. Выезжайте не спеша, колонной. Я пошел!

Кожанов забрал кейс и пакет, двинулся к тыловому забору. Открыл калитку, вышел к озеру, берегом прошел до «Нивы». Гусь встретил его на подходе, неожиданно по-явившись из кустов. Так неожиданно, что бандит вздрогнул:

- Твою мать, Гусь, ты чего под дождем шарисься?
- Так смотрю, чтобы посторонних не было. Сам же приказывал.
- Заметил кого?
- Не-а! Все чисто.
- Вот и хорошо. Только промок наверняка?
- Ерунда! Ветровка, она сверху мокрая.

Бандиты сели в «Ниву». Гусин вставил ключ в замок зажигания, спросил:

- До хаты Степаныча?
- погоди, не спеши, мне еще с Демьяном поговорить надо.
- А? Ну, давай, а я пока прогрею движок.
- Тепло же!
- Все одно, прогреть надо. Это тебе не «Лексус» или «Тойота». К нашей технике особый подход требуется, а то развалится к едрене фене.
- Прогревай и молчи!

Гусин завел двигатель отечественного внедорожника. Кожанов достал из бардачка сотовый телефон, нашел в памяти телефона нужный номер, нажал клавишу вызова абонента. Услышал в динамике длинные гудки, затем хриплый, но не сонный, слегка пьяный голос главаря банды:

- Да?
- Кожан!
- Слушаю!
- У нас все о'кей!
- Подробней!
- С голубками разобрались, то, что надо, взяли, Окунь с Лысым погонят тачки по оговоренному маршруту, я готов выехать к Степанычу.
- Не наследили на хате?
- Нет! И на улице тоже. Дождь идет, как нельзя кстати.
- Да, дождь – это хорошо! – согласился Демьян. – Давай к Степанычу. Через час и я туда подъеду!
- Я сказал Лысому и Окунько, чтобы и они к старику явились, на трамвае.
- Хорошо! Только пусть заходят с оврага, не рисуются перед соседями. Особенно пред Клавкой, на которую пашет Степаныч. Она встает рано.
- Мужики в курсе.
- Ну, ну! Давай!
- Угу. Еду!

Отключив телефон и уложив его в карман легкой куртки, Кожанов взглянул на часы. Стрелки показывали 1.37. Проговорил:

- Нормалек! Уложились в график. Прогрел движок, Гусь?
- Да!
- Тогда трогай! К Степанычу.
- В объезд озера?
- Нет, Гусь, через поселок, чтобы охрана коттеджей срисовала тачку. Думай перед тем, как что-либо спрашивать. И в кого ты такой заторможенный пошел? У нас в родне вроде тормозов не было.

Насупившись, Гусин, являющийся троюродным братом Кожана и вовлеченный им же в организованную преступную группировку, включил первую передачу, отжал педаль сцепления, и автомобиль, сделав круг, вышел на грунтовку, по которой прибыл сюда. Разбухшая еще более дорога затрудняла движение, однако «Нива» хоть и медленно, но уверенно пошла вперед. Путь по дороге занял полчаса. Еще двадцать минут «Нива» кружила по Блачинску и

в 2.30 въехала через открытые деревянные ворота во двор старого большого дома Коробко. Старик сам вышел встретить бандитов. Жестом указал на навес, пошел закрывать ворота. Гусин сдал «Ниву» задом, заглушил двигатель. Кожанов, забирая с заднего сиденья кейс и пакет, проговорил:

– Что-то тачки Демьяна не видать! А уже должен был подъехать.

– Будет шеф тут рисоваться на новом «Форде», – отозвался Гусин. – Оставил, наверное, где-нибудь в тупике. Их тут, этих тупиков, уйма.

– Посмотрим!

Бандиты вышли из машины. Коробко с крыльца сказал:

– Проходите в дом, да обувь скидайте, убирать за вами. Демьян со своей кралей уже ждет вас!

– А где его тачка, Степаныч? – спросил Кожанов.

– Ты это у Кузнеца спроси. Сюда не подъезжал. Демьян с Веркой пешком, со стороны сада пришли.

– Давно?

– Недавно.

Бандиты подошли к дому, на крыльце разулись, сменив туфли и ботинки на тапки, вошли в сени. Оттуда прошли в горницу, большую комнату с русской печкой вдоль стены. За деревянным столом на лавке, сложив перед собой руки, сидел крупный мужчина – Демьян. В стороне, в старом кресле восседала его любовница, Вера Николаевна Авдотьева, или Верунчик. Раньше все завали ее Метлой, она обслуживала дальнобойщиков на стоянке при въезде в город. До тех пор, пока ее не забрал к себе Демьян. Как была Верка проституткой, так и оставалась ею, только обслуживала всего одного клиента, и Метлой ее звать никто не смел – Демьян запретил, а его слово в банде – закон. Верка курила длинную тонкую сигарету, сбрасывая пепел на ветхие половики. Степаныч, закрыв двери, ушел за занавеску, где у него была оборудована лежанка. Ушел спать. В 73 года он не страдал бессонницей и спал крепко, без сновидений.

Демьянов приказал:

– Гусь! Во двор, к «Ниве». Оттуда следи за улицей.

– И чего заходил? – вздохнул Гусин. – Только зря разувался. Сразу бы и передал через старика быть на стреме.

– Поговори еще! Ушел!

Гусин вышел в сени.

Кожанову Демьянов указал на скамейку напротив себя:

– Присаживайся, Кожан, показывай, что принес.

– На стол все выложить или в кейсе посмотришь?

– Высыпай! Все одно перекладывать в сумку.

На стол посыпались драгоценности. Верка бросила в пепельницу окурочек, встала. Глаза ее заблестели.

Взглянув на любовницу, Демьянов рявкнул:

– Сядь! Не для тебя игрушки.

Верка фыркнула, но подчинилась, прикурив новую сигарету, продолжая алчно смотреть на кучу драгоценных украшений.

Кожан открыл кейс, выложил пачки денег.

– Здесь три лимона в рублях и пятьдесят тысяч евро!

– Это все, что вы взяли на хате Голубева?

– Да.

– Дом обыскивал?

– Лично! Были в хате еще какие-то картины, статуэтки, может, и дорогие, серебро – ложки, вилки, – но ты о них ничего не говорил.

– Потому и не говорил, что особой ценности вся эта мелочь не представляет. А вот денег маловато; я думал, Голубев дома больше бабла держит!

– Может, пока есть время, офис его вскроем? – предложил Кожан. – Наверняка там найдется чем поживиться!

Демьянов строго посмотрел на подельника:

– Запомни, Кожан, теперь мы работаем по наводке. Поступил заказ – выполняем. И никакой самодеятельности.

– Да помню! А как насчет гонорара? Мужики беспокоились, не кинул бы...

– Чего? Это когда я кого кидал?

– Так я ничего, мужики беспокоятся...

– Беспокоятся они... Возьми из этих два лимона, рассчитайся. Каждому по 500 тысяч.

– Мне, как старшему, больше бы следовало заплатить. Гусь в тачке сидел, Лысый – во дворе; все дело, считай, мы с Окунем провернули.

– Не жмись. Ладно, возьми себе еще десять штук евро!

– Это дело! Кейсом воспользоваться можно или его в утиль?

– В утиль, а бабло по карманам разложи, недолго с собой таскать.

Кожанов рассовал деньги по карманам, десять тысяч евро засунул в потайной карман, где хранилась спичечная коробка с анашой. Остальное Демьян сгреб в небольшую спортивную сумку, закрыл «молнию». Крикнул в сторону занавески, за которой скрылся хозяин дома:

– Степаныч!

В ответ донесся храп.

– Ну и старик! В его годы люди бессонницей страдают, а этот спит.

Демьянов достал из кармана две пятитысячные купюры:

– На! Отдашь ему, как проснется. За неудобства.

– Не много ли?

– Ты, Кожан, по-моему, стал говорить много, не кажется?

– Лады, сказал передать – передам! Мужиков встречу, рассчитаюсь со всеми, дальше что?

– Всем на дно, по хатам! – приказал Демьян. – В кабаки, бордели, казино ни ногой. Шлюх, если не вмоготу, домой вызывать. Пить не до одури, и только дома. Вести себя тихо и быть в готовности собраться по первому сигналу, а значит, мобилы держать постоянно включенными. Понял?

– Понял, Демьян!

– И предупреди своих мужиков, Кожан: если что, церемониться не буду. Завалю!

– Предупрежу, да и знают они все!

– Напомнить еще раз лишним не будет. Все, раз у тебя вопросов нет, мы с Верунчиком уходим. Отзвонись, как твои закончат все и осядут на хатах. Да, чуть не забыл! Перед уходом поменяй крышки на «Ниве»; старые в реку, новые на диски. Теперь все. До встречи!

– До встречи, Демьян.

Главарь банды поднялся, взглянул на любовницу:

– Пошли, Вера! Через сени и сад к тачке. На хату поедем, отдохнем.

– Я выпить хочу!

– По дороге возьмем.

Демьянов достал сотовый:

– Кузнец! Ты на месте? Верно... заводи, мы с Верунчиком возвращаемся. У тебя там все спокойно?.. Хорошо. Жди!

Демьян махнул Кожану рукой и, подхватив за талию фигуристую сожительницу, вышел с ней в сени.

Кожанов подождал пять минут и позвонил Окунько:

– Как дела?

– Нормалек, проехал промзону, подъезжаю к автосервису. Минут через десять буду у Гиви.

– Лысый?

– Сзади прет.

– Ментов не было по дороге?

– Нет.

– Давай, удачи, я у Степаныча!

– Демьян расплатился?

– Да, бабки у меня.

– Ништяк! Сообщи Лысому, а то он нервничает.

– Ты бы не нервничал.

– Я теперь не в счет...

– Не в счет тот, кого списывают, как Голубева.

Кожанов отключил телефон, бросил на стол пятитысячные купюры, предназначенные Степанычу, вышел на улицу. Гусин сидел под навесом. Кожан подошел к нему:

– Пойдем выпьем, согреешься, а потом заменишь скаты у «Нивы».

– А где их взять-то, новые скаты?

– Демьян сказал, где-то здесь лежат, найдешь. Старые отнесешь к реке и в воду, туда, где осока растет. Отнесешь, а не откатишь!

– Жалко, резину только что свежую поставили...

– Резину какую-то ему жалко, а себя нет? Если по ней нас менты вычислят?

– Так следов не оставили же. Дождь все смыл.

– Гусь! Ты и дальше бакланить будешь?

– А толку... Ладно, пойдем на хату. Выпить не помешает, а то простуда свалит. Да, кстати, Демьян бабло отдал?

– Отдал!

– Тогда ты мне сразу мою долю выделишь?

– Разделим деньги, когда все соберутся. Не раньше, чтобы базаров гнилых не было, понял?

– Понял! Чего не понять-то? – вздохнул Гусин.

– Гусь! Тебе от роду всего двадцать семь лет, а ворчишь хуже Степаныча. Чем недоволен?

– Натура у меня такая. И ничего с ней поделать не могу.

– Да, и в кого же ты пошел? Ума не приложу!

– Хрен его знает. Может, в предка, что жизнь на каторге царской положил.

– Похоже! Ладно, идем в дом.

Демьянов с любовницей прошли сад, спустились в овраг. Здесь девица остановила сожителя:

– Демьян! Там, среди украшений, колье одно красивое есть. Подарил бы, а? Все равно драгоценности отдавать Ачилу. Тот и не заметит, что колье нет. Он же не знает, что взяли твои придурки из дома Голубевых?

Главарь банды сердито глянул на Авдотьеву:

– Ты в своем уме? Хотя откуда у тебя мозгам взяться? Ты ж сдуру это колье на себя нацепишь и будешь таскать, где надо и где не надо. Да, Ачил, может, и не узнает о нем ничего.

Сначала. Но менты, что обшарят весь дом, узнают. И будут искать. А тут ты с этим колье на шее. Спалить всех нас хочешь?

– Но ты так давно не делал мне подарков...

– А что за шубу ты повесила в гардероб своей хаты?

– Э-э, Леня, шубу-то когда еще нацепишь. Ну, хоть колечко какое дай?

– Достала ты меня. Из того, что взяли у Голубевых, ничего не получишь. А чтобы не ныла и не упрекала меня в жадности, держи...

Демьянов достал пачку евро, отсчитал десять пятисотенных купюр:

– На, пять тысяч. Любое колье купишь.

Проститутка чуть не вздрогнула от радости:

– Дорогуша ты моя, спасибочки. Завтра же в ювелирный салон поеду!

– Только перед тем через кого-нибудь обменяй бабки на рубли у барыг, что трутся на вокзале. И смотри, ни в какие обменники ни ногой!

– Поняла, Ленчик, все поняла. Ох, как я буду сегодня любить тебя! Обо всем на свете забудешь.

– Сегодня нам не до любви будет. Погоди.

Сотовый телефон Демьянова издал мелодию вызова.

– Это Кожан! Тачки переданы Гиви. Мужики ждут, когда пойдет общественный транспорт. Им еще часа три ждать. Может, разрешить взять такси?

– Нет! Никаких такси. Пусть ждут. Гиви их не прогонит. А у Степаныча рисоваться на тачке ни в коем случае нельзя. Понял меня?

– Понял!

– Вот и хорошо! Что с резиной «Нивы»?

– Гусь меняет.

– Пусть поторопится. И бросит в реку, пока темно.

– Сделаем!

Ответив на вызов подельника, Демьянов, подумав, набрал номер. Ему ответил тихий голос с почти незаметным акцентом:

– Слушаю тебя, Демьян.

– Не разбудил?

– Хороший вопрос. А если разбудил, то, что, перезвонишь позже? Что у тебя с объектом?

– Полный порядок. Сделали голубков, как говорится, без шума и пыли. Тачки перегнали в автосервис к Гиви. Кожан вернулся с бабками и драгоценностями.

– Сколько денег привез Кожан?

– Три лимона в рублях и тридцать пять штук в евро. Два лимона я отдал для расчета с бригадой.

– Ценности?

– Их много, и стоят они тоже много. Старший голубок, видно, не жалел бабок для своих голубок.

– Надеюсь, у тебя хватило ума сохранить все, что забрали из ценностей?

– Конечно!

– И даже своей шлюхе не дал?

– Нет, Ачил, клянусь мамой!

– Ты помнишь свою мать? Раньше говорил, что воспитывался в детдоме.

– Так я это... вроде так положено!

– Не надо пустых клятв. Я и без них верю тебе, иначе не стал бы связываться. Бабки, что остались, возьми себе, это твой гонорар, а ценности в 9 часов привезешь на хату Хасана. Там буду и я. И там же в подробностях доложишь, как прошла акция. Ты все понял?

– Да, Ачил! В 9 у Хасана.

– Хоп! Отдыхай, если твоя ненасытная Верка даст тебе уснуть.

Демьянов отключил телефон.

– Чего это чурбан твой обо мне базарил? – спросила Авдотьева.

Демьянов усмехнулся:

– Ачил сказал, что ты классная шлюха!

– А он меня трахал? – возмутилась Верка. – Че не по делу звездит? И ты спокойно к этому отнесся?

– А разве он не прав? Ты, моя девочка, не просто классная шлюха, ты супер!

– Не ему судить меня!

– Так Ачил комплимент тебе сделал.

– Обойдусь без его комплиментов. Знаешь, как они наших баб дерут? Остановят машину где-нибудь в лесу, напоят – и рвут, как звери дикие. Попробуй пикни. Не платят ни хрена. Бросят там, где оттрахают, и скалятся: благодари, мол, что живой осталась. Ненавижу этих дикарей!

– Ачил не такой.

– Все они такие.

– Ладно, успокойся. Ты со мной, а значит, никто тебя не тронет!

Любовница бандита вздохнула:

– Долго ли ты меня при себе держать будешь? Подвернется малолетка с оттянутой задницей, и бросишь!

– Не волнуйся. Мне не нужны малолетки. Старайся – и все будет хорошо!

Про себя же Демьян подумал, насмешливо глядя на размалеванную, но, признаться, достаточно привлекательную шлюху: нет, дорогая, бросать тебя нельзя. И я тебя не брошу, если найду замену. Я тебя убью! Но пока живи.

Подняв сумку и деньги, Демьян с сожительницей начали подъем к глухому переулку, где их ждал водитель, помощник и телохранитель Демьяна одновременно, Анатолий Кузнеченко по прозвищу Кузнец, ждал в новом черном внедорожнике «Форд». Кузнеченко моргнул парочке фарами. Демьян и Авдотьева сели на заднее сиденье.

– Кого-нибудь видел? – спросил водителя Демьянов.

– Нет. Переулок тихий. И дома вроде за заборами, а ощущение, будто на кладбище находишься.

– Нашел с чем сравнивать! – фыркнула Вера.

– Говорю, что есть. Куда сейчас, Демьян?

– Домой! Отвезешь нас – и сам на хату. Отдохнешь до 7 часов, потом в обратку ко мне.

Поедем к Хасану. В 9.00 мы должны быть у него.

– Ясно!

Демьянов протянул ему сто тысяч рублей:

– Держи! Сверхурочные и ночные.

Водитель положил деньги в карман и повел внедорожник к дороге, ведущей в центр города.

Оказавшись дома, в квартире 181 дома 73 по улице Башкирской, Демьян положил сумку с драгоценностями и деньгами в сейф. Ключи бросил в карман халата, с которым прошел в душевую. Принял душ. Выйдя в коридор, увидел голую любовницу. Она стояла в дверях гостиной, изогнувшись, как кошка, изогнув бедро.

– Водка и закуска в столовой, дорогой, я тоже обмоюсь и подойду. А потом сделаю все, что пожелаешь.

– Тогда смажься, дорогая. По-быстрому трахнемся – и спать. Отрываться будем, как закончим все дела.

Вера надула губы:

– Раньше ты мог сутками не спать.

– Не надоедай! Сказал, завтра, значит, завтра, а сегодня по-легкому и быстро. Все, пошла!

Он хлопнул ладонью по полным, круглым ягодицам сожительницы, отправляя ее в душевую, и прошел в столовую. Налил стакан водки. Не дожидаясь любовницы, выпил, закурил вырезкой из супермаркета, безвкусной, словно резина. Закурил. Появилась любовница:

– А вот и я! Ты уже выпил?

– Ты готова?

– Конечно, как пионер.

– Ты еще помнишь, что это такое?

– Нет. Слышала.

– Тогда выпей сама, перекуси и пошли. Устал я что-то!

Вера налила себе сухого вина, опорожнила фужер и быстро выкурила длинную тонкую сигарету. После чего, схватив подругу жизни за задницу, Демьян повел ее в спальню и бросил на кровать.

– В позу, Верунчик. И ноги пошире раздвинь.

Через десять минут любовники уже спали.

Проснулся Демьянов в 6.30 от мелодии вызова сотового телефона. Чертыхнулся:

– Черт бы побрал этого Кожана, мог бы и позже позвонить!

Включив ночник, главарь банды взял с тумбочки сотовый телефон, на дисплее которого высвечивалась волчья морда – знак Кожана:

– Ты еще раньше позвонить не мог?

– Так ты сам приказал доложить, когда мужики соберутся.

– Собрались?

– Да! Подъехали на трамвае, от конечной остановки прошли пешком. Через овраг.

– «Хвост» за собой не притащили?

– Откуда ему взяться? Не-е, все нормалек. Успели войти в хату до того, как соседка вышла во двор, я следил за ее домом. Резину на «Ниве» Гусь заменил, старые покрышки утопил в реке, там, где ты сказал. Сейчасждемся, когда Степаныч повезет соседку на рынок, и по одному свалим по хатам!

– Деньги раздал?

– Конечно! Мужики довольны.

– Еще бы!

– В общем, мы в тину, ждем вызова.

– Ты еще раз предупреди своих, чтобы вели себя тихо. Если спялятся, за семью голубков менты их в ключья порвут. До суда не доживут.

– Предупрежу!

– Тогда все.

– Спокойной ночи, шеф!

– Да пошел бы ты, Кожан! Какая теперь, на хер, спокойная ночь? Отбил весь сон.

– Но ты же сам велел...

– Отбой! – оборвал подельника Демьянов.

Отключил телефон, бросив его обратно на тумбочку. Сон как рукой сняло. Демьян прошел в туалет, зашел на кухню, выкурил сигарету. Подумав, чайник на плитку ставить не стал, вернулся в спальную комнату. Легкое одеяло сползло с Веры, и Демьян увидел ее прелести. Любовница спала, широко разбросив ноги. В Демьяне вспыхнуло желание. Он подошел к постели, схватил сожительницу за грудь, сильно сдавив ее. Вера проснулась.

– Ой, ты че? Больно!

Демьян оттянул сосок ее полной груди, ухмыльнулся:

- А я думал, приятно!
- Так ты чего, Леня, вставать пора?
- Пора. Работать!

Вера потерла глаза.

- Работать? А сколько сейчас времени?
- Без четверти семь, до восьми мы много успеем.
- А-а, ты в этом смысле... Поняла, щас, погоди, только в туалет сбегая!
- Давай, кошка, беги! И не задерживайся. Я жду тебя.

Девица отправилась в туалет, бандит же, отбросив одеяло на прикроватный коврик, лег на спину, заложив руки за голову. Вернувшаяся Вера оценила позу, улыбнулась и опустила голову между ног любовника. Через секунду Демьян застонал от удовольствия. Верка-Метла умела ублажать мужчин. Да и неудивительно, с ее-то опытом и многолетней практикой дорожной проститутки-плечевки.

Наконец Демьянов оттолкнул от себя любовницу.

- Все, хватит, с тобой реально можно с ума сойти.

Вспотевшая Вера села на край постели, поджав ноги под себя:

- Тебе понравилось, дорогой?
- Не то слово. Интересно, а если тебя подложить под пяток мужиков, выдержала бы?

Проститутка рассмеялась:

- Еще вопрос, кто выдержал бы, мужики или я.
- Ладно, встаем, скоро Кузнец подкатит, поеду на встречу с Ачилом.

Верка потянулась:

- А я обменяю бабки – и в ювелирный.
- Давай, только смотри, чтобы все делала так, как я говорил.
- Конечно, дорогой!

В 8.15 позвонил Кузнеченко, доложил, что машина у подъезда. Через десять минут Демьянов с Авдотьевой сели на заднее сиденье внедорожника, и Кузнец повел машину к вокзалу. Там Верка вышла, а Демьян приказал помощнику:

– На Попова, Кузя! Встанешь за остановкой, не въезжая во двор дома. Поторопись, время поджидает!

- Успеем!

Глава 3

Блачинск, понедельник, 18 августа.

Автомобильные пробки добрались и до областного центра. Если еще год назад о них говорили, отправляясь в Москву, то сейчас и в Блачинске было трудно проехать, особенно в утренние и вечерние часы. Водитель Демьянова, Кузнеченко, хорошо знал город, умело пользовался объездными путями по многочисленным переулкам и проездам, поэтому к дому Хасана подъехал вовремя, в 8.50. Во двор, как и было приказано, въезжать не стал, встал за остановкой. И тут же к «Форду» подошел невысокий крепыш ярко выраженной кавказской национальности – Гурам Гураев, помощник Адаева. Демьянов, забрав сумку с заднего сиденья, покинул салон внедорожника, приказав Кузнеченко ждать его.

– Салам, Гурам! Как дела?

– Здравствуй, Демьян! Это у тебя дела, у меня мелочь...

– Ну, а по мелочи?

– Все нормально. Добычу привез?

Демьянов указал на сумку:

– Конечно. Все там!

– Все ли? Себе ничего не оставил?

– Ты хочешь оскорбить меня?

– Нет, но твоя красotka могла уговорить подарить ей что-нибудь из украшений Голубевых...

– Она и просила, только я отказал. Мне с Ачилом ссориться никакого резона нет.

– Вот это правильно.

– Он уже подъехал?

– Конечно, раз я тебя встречаю.

– В этом не было никакой необходимости.

– У нас принято встречать гостей.

– Да вы сами в Блачинске гости.

– Ошибаешься. Там, где мы находимся, уже наша территория. Но ладно, Демьян, поговорим на хате. Идем, Ачил ждет тебя.

Демьянов, закинув сумку на плечо и прикурив сигарету, пошел следом за Гураевым во двор дома № 12 по улице Попова, где снимал квартиру поделщик Адаева Хасан Мамедов. Там уже находились Ачил Адаев и его связной Хасан.

– Ассолом аллеюкум, уважаемые! – поздоровался Демьянов.

– Салам, Демьян! Давно ли ислам принял? – ухмыльнулся Адаев.

– Я не принимал ислам. И вообще не верю ни в бога, ни в черта.

– А вот это напрасно. Человек должен во что-то или в кого-то верить. Без веры он мертв.

На этот раз ухмыльнулся Демьянов:

– Как видишь, я пока жив, здоров, чего и вам всем желаю.

– Вот именно, что пока. Но ладно, выкладывай на стол, что принес.

Хасан снимал квартиру меблированной и, естественно, в европейском стиле.

Демьян положил на стол объемный пакет:

– Здесь все из драгоценностей, изъятых из квартиры Голубевых.

Адаев не стал рассматривать украшения, приказав Гураеву:

– Убери это. Сдадим в Грозном.

– Ты собираешься в Чечню? – спросил Демьянов.

– Да, здесь в вашем дерьмовом Блачинске мне душно. Я привык к горам, к воле. Но это тебя не касается. Сейчас доложи в подробностях, как прошла акция по семье Голубевых.

Демьянов начал доклад. Говорил он минут пятнадцать, стараясь не упустить ни одной детали, зная, что Ачил обязательно спросит о мелочах.

Адаев внимательно выслушал главаря местной банды, спросил:

– Значит, вы все сделали так, как я сказал?

– Да, Ачил!

– Ты уверен, что никто из семьи не остался жив?

– Да, проверил лично.

– Хорошо! Отъезд машин из поселка мог кто-нибудь видеть?

– Если только охрана соседнего коттеджа. Но ей по хрену то, что не касается собственного объекта.

– Ты прав. Шум никто не поднял. Более того, трупы еще не обнаружены. Это мне наш человек в УВД сообщил. А тачки уже миновали Ростов. Хорошо, я доволен. Надеюсь, довольны и твои бандиты, получившие неплохой гонорар за ночь работы?

– Довольны, Ачил!

– Ты смотри, чтобы они не загуляли на радостях.

– Мужики предупреждены.

– Предупредить мало, надо контролировать людей, и этот контроль на тебе. Впрочем, бездельничать им недолго.

Демьян взглянул на Адаева:

– Что, есть новый заказ?

– Да. Я же говорил, нам предстоит серьезная работа.

– И что за заказ?

– погоди. – Адаев повернулся к Гураеву: — Передай мне папку с секретера, Гурам.

Помощник подчинился. Адаев бросил переданную ему папку Демьянову, приказав:

– Открой!

Демьян раскрыл папку, увидел две фотографии – мужчины лет пятидесяти, знакомой внешности, и молодой девушки лет двадцати.

– Мужика не узнаешь? – спросил Адаев.

– Где-то я его видел, а вот где, вспомнить с ходу не могу.

– Ну как же, это же депутат вашей областной Думы, Сергей Анатольевич Ломаков, в криминальных кругах – Лом. В девяностые годы входил в самую мощную организованную, как говорят менты, преступную группировку, контролировавшую почти всю область, а ныне ставший вполне уважаемым политиком, ярким борцом с коррупцией.

– Теперь узнал, – кивнул Демьян. – У него жена салон красоты держит.

– Ну, положим, этот салон только зарегистрирован на Елизавету Яковлевну Ломакову, что совершенно неважно. На второй фотографии изображена нынешняя пассия Ломакова, его двадцатилетняя помощница-секретарь, некая Баянова Екатерина Викторовна. Дама, как видишь, весьма привлекательная и, несмотря на отсутствие какого-либо образования, достаточно предприимчивая. Сумела соблазнить депутата. Говорят, он в своем Котенке – так Ломаков называет Баянову – души не чаёт. Купил ей квартиру по адресу улица Горького, дом 18. Приличную, двухкомнатную, в новом здании, в центре города. Сделал дорогой ремонт, завез не менее дорогую и современную мебель. Одаривает любовницу щедро.

– Интересно, как ему удастся скрывать связь с любовницей от жены? Елизавета Яковлевна – баба умная, серьезная, ее провести сложно.

– Ну, это не наше с тобой дело. Не исключено, что она в курсе любовной связи мужа. Это сейчас не такая уж редкость. Но Ломаков пытается скрыть связь с Баяновой. На работе у

них чисто служебные отношения, встречаются они на квартире Баяновой по понедельникам и четвергам каждой недели. Днем. Как правило, с 11 до 16 часов.

Гураев усмехнулся:

– И чего этот депутат в свои пятьдесят лет может с молодой хищницей пять часов делать? Сказки ей читать?

Адаев строго взглянул на помощника:

– Тебя еще что-то интересует по отношениям депутата и его секретаря?

– Нет, но сам подумай, молодой бабе что нужно? Секс! Ей трахаться хочется, а что может ей дать Ломаков?

– Повторяю, это не наше дело! Или тебе что-то не ясно, Гурам?

Гураев подняли ладони вверх:

– Молчу, Ачил! Никаких вопросов.

– Вот и молчи. Молчание, как говорят, – золото.

– И что надо сделать по этой паре? – спросил Демьянов.

– Убить, – спокойно ответил Адаев.

– Убить?

– Да, Демьян! Убить во время их очередной встречи, лучше во время случки, чтобы показать и ментам, и журналистам, которые, как мухи на дерьмо, слетятся, когда станет известно об убийстве любовников, что за отношения были между Ломаковым и Баяновой. Кстати, у этой хитрожопой девочки есть еще и жених, молодой парень, студент педагогического университета. Очень он любит свою Катюшу, уговаривает стать женой. Ревнив. Сечешь, Леня, к чему я клоню?

Демьян кивнул:

– Пресекаю! Надо сделать так, чтобы к убийству менты подтянули студента.

– Точно! И это повернуть нетрудно. Гурам уже поработал в данном направлении.

– Что ты имеешь в виду?

– Проводил женишка от университета до дома, а в подъезде настучал по голове. Пацан отрубился, Гурам забрал у него мобильник и запонки – да, да, не удивляйся, юноша из приличной, но старомодной семьи и, как ни странно, до сих пор носит на рубашках запонки. О них знают многие его однокурсники. По факту нападения молодой человек в милицию не обращался. Это подтверждено все тем же сотрудником УВД майором Школяровым.

– И мы должны будем оставить на хате Баяновой запонки и телефон студента?

– Да! Но если подставлять студента, то работать по депутату и его любовнице придется одному человеку. А конкретней, Кожану. Остальным быть на подстраховке и обеспечении проведения акции. Так как сегодня мы обработать любовников не успеем, то акцию назначаю на четверг, 21 августа. Сегодня же посмотреть за хатой Баяновой. Обычно Ломакова и помощницу привозит водитель депутата, он же охранник, некто Алексей Федотов. Не мешает посмотреть и на него. Узнать, подъезжает ли к подъезду или высаживает парочку где-нибудь недалеко от дома. Что делает, пока хозяин трахается. И есть ли необходимость в его устранении.

– В устранении водилы? – переспросил Демьянов.

– Да! Но это в том случае, если он, скажем, будет нести службу не в машине, а в подъезде.

– Понял! Я вот о чем подумал, Ачил. Чтобы реально подставить студента, надо бы цапки его подкинуть, а самого вытащить на хату невесты после того, как уберут ее с любовником.

– Это мысль. И вполне осуществимая. Достаточно позвонить студенту, сообщить ему, что невеста трахается с боссом, и назвать адрес, то... думаю, ревнивый обманутый юноша

ломанется на ее хату. И попадет в руки ментов. Молодец, Демьян, на ходу все схватываешь! Так и сделаем.

– Бабу депутата туда вызывать не будем?

– Нет, это уже перебор.

– Тогда остается узнать номер телефона студента.

Адаев повернулся к Мамедову:

– Хасан! Узнаешь номер и передашь его Демьяну не позднее завтрашнего дня.

– Сегодня передам.

– Хоп! У тебя, Леня, ко мне вопросы есть?

– Самый главный, Ачил.

– Бабки?

– Они самые.

– За ликвидацию депутата и его любовницы ты получишь полтора миллиона рублей – у Хасана, после работы и подтверждения ее чистоты Школяром, майором Школяровым. Бабки разделишь сам, решишь, кому и сколько выделить, но чтобы недовольных не было. Еще вопросы?

– Когда мы встретимся?

– Узнаешь об этом от Хасана. Все?

– Да вроде бы все!

– Тогда ступай, Демьян, и хоть ты не веришь ни в бога, ни в черта, да поможет тебе всевышний. Сумку оставь здесь. Проводи гостя, Хасан!

Бандиты покинули квартиру.

Проводив их, Адаев подошел к зеркалу, повернулся к помощнику:

– Акция в четверг завершит работу в городе. Убийства семьи Голубевых и депутата с любовницей поднимут много шума. Но это будет только начало. После депутата перебросим банду Демьяна на дорогу. Южная трасса должна стать трассой смерти. И она станет таковой. Мы обещали России партизанскую войну? Обещали. Вот русские и получают эту войну. Они будут бояться летать на самолетах, ездить по железной дороге, использовать автомобильный транспорт. Они станут бояться всего. И только тогда поймут, что их власти совершили большую ошибку, решив силой навести так называемый конституционный порядок в Ичкерии. И вынуждены будут вернуться к вопросу о ее независимости. Иначе прольется гораздо больше крови в России, нежели ее пролилось в Чечне. И в этом, Гурам, смысл нашей миссии.

Помощник Адаева склонил голову:

– Да будет так, Ачил!

– Будет, Гурам, будет! Если бы в нас не верили, то не снабжали бы деньгами, людскими ресурсами, оружием и взрывчаткой. В нас верят и возлагают на нас большие надежды. И мы обязаны оправдать их. Собирай вещи, пообедаем и тронемся в путь. Ночью мы должны быть в Грозном! Продумай, где оборудовать тайник для перевозки украшений.

– Я понял! Все сделаю, как надо.

– Не сомневаюсь.

Хасан проводил Демьяна до подъезда. На выходе спросил:

– Дальше сам дойдешь?

– Глупый вопрос, ты мне и в подъезде не был нужен!

– Ачил приказал, я сделал...

– Когда сообщишь номер телефона студента?

– Сегодня.

– Это я уже слышал; спрашиваю, когда точно?

– Как только узнаю. Вот провожу Ачила и Гурама, займусь номером. Думаю, часам к пяти уже сброшу его тебе на мобильник.

– Не забудь добавить, как зовут этого идиота, которого будем подставлять.

– Так это я тебе и сейчас могу сказать.

– Говори!

– Запомнишь?

– Говори! На память пока не жалею.

– Зовут пацана Владимиром Сергушиным. Ему 22 года, студент 4-го курса университета. Пахан его в этом университете профессор – то ли доцент, то ли декан, шайтан его разберет, но мужик ученый.

– Ясно. Давай, пошел я!

– Иди! А я посмотрю за двором.

– Зачем?

– Как у вас говорят, береженого бог бережет.

– Ну смотри, если делать не хрена.

Демьянов спустился по лестнице на тротуар и направился к улице, где его ждал «Форд», но не прошел он и двадцати метров, как его сотовый телефон издал сигнал вызова. Демьян подумал, что Ачил или Хасан забыли что-то сказать, но оказалось, звонила любовница:

– Дорогой? Я не отрываю тебя от дел?

– Не отрываешь. Чего звонишь?

– Ты сейчас где находишься?

– Зачем тебе это?

– Да я тут золотишка прикупила на все бабки. Продавцы охренели, когда я им заказы делала. Суетились, как мандавошки.

– Ну, затарилась, и че?

– А то, что и покупатели другие видели, сколько я рыжья взяла. На такси ехать стремно.

Подгонят своего фраера, тот и обчистит по дороге.

– Ясно! Адрес магазина.

Авдотьева назвала адрес. Демьянов приказал:

– Из магазина не выходи, пока я не подъеду.

– А когда подъедешь?

– Как только, так сразу!

– Я тебя обожаю, дорогой!

– Взаимно! Жди, и не высовывайся на улицу, ни с кем из посторонних не базарь, рыжье никому не показывай, ясно?

– Да, дорогой!

– Все! Мы заберем тебя.

Демьян отключил телефон, прошел до стоянки «Форда», сел на место переднего пассажира.

– Как прошла встреча, шеф? – спросил Кузнеченко.

– Нормально! Ачил новый заказ сбросил.

– Да? И что за заказ?

– Дома расскажу. Надо будет мужиков собрать завтра поутру. Вечером, а лучше, как приедешь домой, обзвони всех. Завтра в 10.00 быть у Степаныча. Подход через овраг окольным путем.

– А если Степаныч не обернется с рынка к этому времени? Хрен знает, на сколько его соседка на рынке задержит.

– Так созвонись и со Степанычем. Короче, со временем определись сам.

– Понял! Сейчас домой?

– Нет, к ювелирному салону. Заберем Верку, потом на хату.

Кузнеченко завел двигатель, и «Форд», развернувшись, направился к ювелирному магазину.

Авдотьева нарушила приказ любовника и прогуливалась с объемной сумочкой по тротуару возле магазина. Недалеко роилась куча цыган. Выйдя из внедорожника, Демьянов набросился на подругу:

– Я где сказал находиться? В магазине, а ты? Вышла на улицу. Не подумала своей головой, что тебя спокойно могли обнести?

Вера надула губы:

– Но здесь много народу, Ленчик!

– Много народу! – передразнил любовницу Демьянов. – А ну давай в машину.

Авдотьева устроилась на заднем сиденье. Машина тронулась и пошла к дому Демьянова.

Главарь банды обернулся к Авдотьевой:

– Все бабки прокутила?

– Все! До копеечки. Но такие вещи купила – закачаешься! Куда-нибудь пойдём вместе, все бабы обзавидуются.

– У тебя одно на уме.

– А что? Надо жить красиво, пока есть такая возможность.

– А не будет, что станешь делать?

– На панель вернусь. Не привыкать.

– Дура!

Демьянов повернулся к водителю:

– Останови возле продовольственного магазина, дома пойло кончилось.

Кузнеченко кивнул, выбрал место, остановил «Форд».

Выходя, главарь банды приказал помощнику:

– Смотри за этой красавицей, чтоб из тачки ни ногой.

– Понял.

Демьянов затарился водкой, вином, шампанским, уложил пакеты рядом с любовницей. Через двадцать минут они с Авдотьевой вошли в квартиру. Женщина тут же бросилась раскрывать коробочки с драгоценными украшениями, затем стала примерять их к нарядам. Демьянов прошел на кухню, где курил помощник, поднявшийся в квартиру следом за шефом.

– Так что за заказ сбросил Ачил? – спросил он Демьяна.

Демьянов тоже прикурил, открыл бутылку «Столичной», налил стакан, в два глотка выпил водку, затянувшись дымом сигареты.

– Что за заказ, спрашиваешь? Мочкануть Ломакова с его помощницей и любовницей. На хате у последней. Завалить в четверг, 21-го числа.

Кузнеченко сморщил лоб:

– Ломакова? Это какого? Депутат Облдумы?

– Его самого.

– Ни хрена себе! А чем Ломаков не угодил чеченам?

– Это не твое дело. Сейчас езжай домой, как говорил, обзвонишь всех ребят, кроме Кожана – Славке я сам позвоню, – и отдыхай. Завтра быть у подъезда в 9.00!

– Понял. Один вопрос, Демьян?

– Спрашивай!

– И сколько за Ломакова с его шлюшкой положил Ачил?

– Не обидел. Каждый получит столько, сколько заработает. И это буду решать я. А я, как знаешь, не обману.

– Знаю, но хоть какую сумму назначил чечен, сказать можешь?

– Тебе лично двести штук – естественно, деревянных. Пойдет?

Кузнеченко, знавший, что прямого участия в акции ему принимать не придется по-любому, довольно ухмыльнулся:

– Пойдет, шеф!

– Ступай! Да подъезд посмотри, последнее время пацанва какая-то на чердаке кружится.

– Так это наркоши, наверное, или придурки, что в тимуровцев еще не наигрались.

– Они мешают.

– Так сейчас они вряд ли будут на чердаке.

– Посмотри и дверь чердачную закрой. Так, чтобы никто открыть не мог.

– А замок?

– Он врезной. Захлопни люк и сломай этот чертов замок.

– Так пацаны с другого подъезда зайдут.

Демьянов повысил голос:

– Значит, все двери закрой, во всем доме.

– Ладно, раньше ты о пацанах ничего не говорил, – пожал плечами Кузнеченко.

– Ступай, Кузнец, а?

– Все, ушел!

Демьянов выпроводил помощника. На кухню вышла Авдотьева в красном коротком, обтягивающем фигуру платье, вся в украшениях.

– Ну, дорогой, как я тебе?

– Ты чего нарядилась новогодней елкой? Посмотри гламурные журналы, что валяются в спальне. В них на фото кто-нибудь так обвешивается брюликами?

– Ничего ты не понимаешь в женской красоте.

Демьянов усмехнулся:

– Для меня баба красивая голой!

– Что еще от тебя можно услышать? Но все равно спасибо, дорогой!

– Носи на здоровье.

– Было бы где носить...

– Дома! И иди, у меня дела.

– Вечно ты занят, деловой мой. А как насчет секса? Меня украшения завели.

– Секс – это хорошо, это можно. Готовь спальню. И сама подготовься, чтобы не вставать за кремами.

– Поняла, дорогой!

Авдотьева вышла. Демьянов закрыл за ней дверь, затушил прогоревший до фильтра окурок, достал сотовый телефон, набрал номер Кожанова. Тот ответил не сразу, пришлось ждать. А когда ответил, Демьянов услышал заметно пьяный голос подельника на фоне громко играющей ритмичной музыки и женского смеха.

– Да, шеф? Слушаю тебя!

– Ты где находишься, Кожан?

– Как где? Дома, выполняя твоё распоряжение.

– Водку пьянствуешь?

– Э, совсем чуть-чуть.

– А что за бабий хохот у тебя на хате? И музыка?

Кожанов нашелся быстро:

– Так это телевизор пашет, какое-то шоу!

– И по какому каналу?

– А черт его знает, по кабельному.

– Да? Значит, так, в 17.00 я жду тебя у себя. И чтобы к этому времени был как стекло, понял?

– Шеф, может, завтра встретимся?

– Сегодня! Досмотришь шоу, примешь душ, отдохнешь – и ко мне. Все! На подходе отзвонишься. Приезжай на такси, где выйти, знаешь. Все, жду, шоумен!

Демьянов отключил трубку. Из душевой донесся шум льющейся воды – любовница принимала душ. Выпив еще сто граммов, главарь банды в гостиную скинул с себя одежду и прошел в душевую, где и началась очередная дикая, яростная, развратная случка с Веркой.

В 17.00 раздался звонок в дверь. Главарь банды крикнул любовнице, красившейся в спальне:

– Верка, открой, это Кожан!

Любовница Демьяна вышла в гостиную в прозрачном пеньюаре, сквозь который просвечивалось все ее тело.

– Ты охренела в таком виде принимать гостя? – воскликнул Демьянов.

– А че? Нормальный вид!

– Ненормальный! Одень обычный халат, да быстро!

Авдотьева подчинилась, вернулась в спальню, переоделась, прошла в прихожую. Вскоре в гостиную вошел Кожанов. Было заметно, что он так и не протрезвел.

Демьян указал подельнику на кресло:

– Присаживайся! Значит, хер на мои слова положил? Так и гулял до приезда сюда?

– Да ладно тебе, Демьян! – усмехнулся Кожан. – Ну, каюсь, гулял. И когда ты звонил, у меня на хате не телевизор работал. Сучку из салона заказал; за сутки, между прочим, оплатил. И такую телку привезли, охренеть! Ну, я и подвис с нею...

– Где сейчас эта телка? Ждет тебя дома?

– Нет. Пришлось расстаться до лучших времен, ты же просто так вызывать не будешь.

– Ну, мыслишь ты вроде здраво, хотя и пьян.

– Да какое там пьян, выветрилось все, пока ехал. А чего вызвал-то?

– Ачил новый заказ сбросил.

– Да? Что-то он шустро взялся за город.

– Это не наше дело. Ачил платит, мы работаем.

– Так-то оно так, но надо и перерывы делать, а то спалимся, и тогда никакие бабки не нужны будут.

– Заказ на четверг!

– Чего тогда сегодня вызвал?

Демьянов повысил голос:

– И сегодня, и завтра, и вообще когда надо, понял?

– Понял. Что за заказ-то?

– О депутате Ломакове слышал?

– Я политикой не интересуюсь.

– А погоняло Лом тебе ни о чем не говорит?

– Ну, как же, говорит.

– Так вот, бывший Лом, сейчас депутат областной Думы Сергей Анатольевич Ломаков, ярый борец с коррупцией.

Кожанов рассмеялся:

– Да, умеют некоторые устраиваться в жизни! Кто на нары, Лом во власть. Нормально.

– Так вот, у этого Ломакова жена – владелица салона красоты. И как принято у чиновников, Лом имеет еще и любовницу, свою помощницу по Думе, 20-летнюю Екатерину Баянову.

– Ну и что?

– А то, что депутат с помощницей каждый понедельник и четверг занимаются любовью на хате последней. Кстати, эту хату девочке подарил Ломаков.

– Что-то редко они трахаются. Или Ломаков чаще не может? Хотя ему же еще и жену собственную ублажать надо. Но я не пойму, к чему ты мне обо всем этом говоришь?

Демьянов встал с дивана, поправил халат, прошелся по гостиной, присел на подлокотник кресла напротив поделщика.

– А к тому, Кожан, что Ачил заказал эту сладкую парочку.

– Вот оно что... – протянул Кожанов. – Значит, мы должны их убрать?

– Хорошо, что врубаешься. Да, Ломакова с любовницей Ачил приказал убить. Во время очередной случки в четверг 21-го числа. И мочить их будешь ты.

– Один?

– Один.

– Почему?

Демьянов поведал поделщику суть замысла бандитов с подставой жениха блудливой девицы.

– Теперь понял, что на хате должен работать один человек?

– Понял. Хотя, если аккуратно, можно было и двоим.

– От двоих по-любому и следов больше останется. А менты у нас далеко не глупые, просекут, что этого сопляка Сергушина подставили, и начнут рыть, искать истинного убийцу. И рыть будут по-серьезному – все же ты завалишь не кого-нибудь, а депутата, а это воспринимается как вызов государству. Завтра я к 10.00 на хате Степаныча собираю Окуня, Лысого и Гуся, с тобой же решил поговорить сегодня. Нам надо выработать план ликвидации Ломакова и Баяновой. Ты в состоянии работать?

– Мне б граммов пятьдесят водочки, вот тогда полностью пришел бы в себя!

– Ступай на кухню, там на столе пузырь «Столичной», выпей, но только пятьдесят граммов.

– Без базара, щас, минуточку – и все будет о'кей.

Кожанов прошел на кухню. Из спальни показалась усыпанная бигудями голова Авдотьевой.

– Дорогой, мне в душевую надо!

– Ну так иди, коль надо.

– А я вам не помешаю?

– И чего это ты вдруг такой застенчивой стала? Или слышала, о чем мы разговор с Кожаном ведем?

– Слышала, слишком громко вы говорите. Но мне без разницы ваши дела.

– Эх, Верка, Верка, и что ты за баба? В постели шлюха высший класс, а по жизни – дура душой. Кто ж признается, что слышал чужой разговор? Не хватило ума сказать, что ни хрена не слышала?

– Я не хочу тебя обманывать.

– Понятно! Вали в свой душ, потом на кухню, займись ужином и оттуда, пока Кожан не уйдет, ни ногой. Двери закрой. И помни: меньше знаешь – лучше спишь.

– Да знаю я все!

– Так ступай, чего ждешь?

Верка прошмыгнула в душевую.

Демьянова не обеспокоило то, что любовница узнала о планах предстоящей акции. Она, конечно, глупая баба, но не настолько, чтобы сдать любовника. Да и нет ей хода в ментовку. Это равносильно смерти, что Верка прекрасно понимала. К тому же Кожан планировал привлечь и любовницу к делам по заказам Ачила. В иных ситуациях баба может сделать гораздо больше, нежели целая банда мужиков.

Вернулся Кожанов, потирая руки:

– Ну, вот теперь порядок. Теперь можно и дело обсудить.

Он присел в кресло, подняв на главаря просветлевшие глаза:

– Я готов, Демьян!

– Это хорошо. Я прикинул, как нам зацепить Ломакова с проституткой. Слушай, потом выскажешь свое мнение.

– Слушаю, шеф!

Говорил Демьянов двадцать с лишним минут. Кожанов внимательно слушал. Выслушав главаря, проговорил:

– Что ж, план неплох. Хороший план, если все пройдет, как ты задумал. И клиентов мочканем, и пацана подставим.

– Ты только не забудь сменить нож, чтобы менты не могли привязать убийство Ломакова к убийству Голубевых.

– Само собой.

– Значит, ты согласен со мной?

– Да!

– Никаких собственных предложений не будет?

– Пока нет. Я еще раз все обдумаю, посмотрю на дом, пройду по подъезду, подвалу, оценю пути отхода; может, и возникнут какие мысли, а пока я полностью согласен с предложенным тобой планом.

– Ну и хорошо!

– Меня интересует, кто и сколько получит за акцию? Ведь всю основную работу предстоит делать мне одному?

Демьянов прикурил сигарету:

– Скажу только тебе, а ты не распространяйся среди мужиков. Ачил за депутата и его шлюху дает полтора лимона рублей, при этом из хаты ничего ценного брать нельзя, даже дорогих часов и перстня Ломакова. На тебе, действительно, по сути, вся работа, поэтому ты получишь пятьсот тысяч. Треть всей оговоренной суммы.

– А остальные бабки кому?

– Некорректный вопрос. Но ответчу. Часть пойдет в общак, – Демьянов имел в виду собственный карман, в который намеревался положить пятьсот тысяч рублей, – часть – на обеспечение твоей работы, подготовку, тачки и так далее. Этого объяснения достаточно?

– Вполне! В принципе мне главное – свое бабло получить, а пятьсот тысяч – сумма неплохая.

– Но повторяю, насчет расклада должно быть известно только мне и тебе.

– Заметано.

– Тогда возвращайся к своей необыкновенной телке. А то заждалась поди, и время идет.

Кожанов изобразил недоумение:

– К какой телке? Нету сейчас никого дома, я же сказал, что пришлось отправить биксу опять в салон.

Демьянов усмехнулся:

– Мне-то, Кожан, по ушам не ездят! А то я не знаю тебя. Или, может, замажем на то, что соска ждет на хате? На штуку баксов? Я это быстро через бордель пробью. Ну? Замажем?

Кожанов притворно вздохнул:

– Не-е, не буду. Телка действительно осталась на хате.

– А не боишься, что она обшмонает ее для интереса и найдет оружие?

– Не найдет. Дома ничего такого не храню. Все, что нужно для работы, в записанном на соседа-алкаша гараже.

– А вот это правильно. Ну, ладно, ступай. Завтра у Степаныча определишься по подготовке акции, и начнем работу. Чего сидишь? Свободен, Кожан! Как птица!

Кожанов задумчиво проговорил:

– Я вот что думаю, Демьян. То, что Ачил связался с нами, базара нет, хорошо. Но это с одной стороны. А с другой, ты не просчитывал, а на хрена ему нужны все эти бессмысленные убийства? Ради тачек, бабок, брюликов? Так для этого убивать необязательно. Нужную хату можно и обнести. В городе по этой теме профессионалов хватает. А с депутатом вообще непонятка вырисовывается. Для чего ему смерть Ломакова?

Демьянов поморщился. Подобная мысль и ему не раз приходила в голову, но он гнал ее от себя так же, как и сейчас.

– Ну какая нам разница, Кожан, что на уме у Ачила? Он платит деньги? Платит. Хорошие деньги? Хорошие. Чего еще нужно?

– Все это так, Демьян, но кавказцы – народ коварный и безжалостный. Оставят ли они нас в покое, когда мы перестанем представлять для них интерес? Или замочат, как мы сейчас мочим клиентов по их заказам? Сами не превратимся в клиентов?

– Не думаю, что Ачил решит убрать всех нас. Слишком это сложно. Хотя по одному, по хатам, вполне возможно. Или вызвав куда-нибудь за город. Поэтому мы должны быть всегда начеку и держать нюх по ветру. Я тоже не вчера родился, и не пальцем деланный, и опыт имею, и кавказцев по зоне знаю – впрочем, как и ты, и Степаныч. Пойдем, если Ачил задумает избавиться от нас, и опередим чеченов. Тем более Хасан практически все время живет в городе. Нам только не расслабляться и держаться стаей, тогда кавказские волки не страшны.

– Это ты верно сказал. И хорошо, что тоже не исключаешь вероятности подянки со стороны Ачила.

– А ты думал, я лег под чеченов? Ни хрена. В городе мы хозяева, а они пусть у себя в горах свои порядки наводят. И Ачил понимает, что не с лохами связался. Если что, мы и огрызнуться можем. Так что и их кровушка прольется. Будь спокоен, Кожан, у меня все под контролем. Но держать контроль я смогу лишь только при условии полного вашего доверия и подчинения. А ты вот нарушил приказ, нажрался. Другие тоже, поди, гуляют?

– Может, и гуляют, если душа просит разгула. Но одно знаю точно: все находятся по хатам, и со всеми я могу связаться в любое время дня и ночи. С баб слезут, а на вызов ответят. И придут куда надо. Впрочем, завтра ты в этом убедишься.

Демьян хлопнул Кожанова по плечу:

– Ладно, все ништяк! Езжай, отдыхай. Такси можешь с городского телефона вызвать.

– Зачем? Поймаю тачку. Сейчас это не проблема. Пошел! До завтра, Демьян!

Демьянов проводил бригадира своей банды, закрыл за ним дверь и прошел на кухню, где любовница нарезала салат. Выпил сто граммов водки, закурил.

– Ты в порядке, дорогой? – спросила Верка.

– Конечно, дорогая, я всегда в порядке!

Его сотовый телефон издал сигнал получения SMS-сообщения. Демьянов включил мобильник, прочитал на дисплее: «Номер телефона студента —8-926... Днем работает, на ночь отключает».

Номер был простым, а Демьян обладал цепкой памятью. Он запомнил его, сохранив на всякий случай и сообщение. Бросив телефон в карман халата, хлопнул любовницу по заднице, спросив:

– Что жрать-то сегодня будем?

– Салаты! Под водочку самое то.

– Салаты твои – хрень поросячья. Мяса приготовь!

– Пожарить или потушить?

- Отбивные сделай.
- Хорошо!

Отвернувшись от Верки, пуская кольца дыма в сторону открытой форточки кухонного окна, Демьянов задумался. Было о чем подумать.

Вторник, 19 августа.

«Форд» Демьянова встал в знакомом переулке без десяти минут десять. Посмотрев на часы, главарь банды вызвал по сотовому телефону Кожанова. Тот ответил незамедлительно, абсолютно трезвым, бодрым голосом:

- Да, шеф!
- Все наши собрались?
- Да! Только что подошел Гусь.
- Степаныч?
- Во дворе копается, заодно смотрит за улицей.
- Соседка?
- Приболела, на рынок не поехала, потому и Степаныч дома.
- Вокруг все спокойно?
- Спокойно!
- Мужики трезвые?
- Как я!
- Хорошо, ждите, я иду.
- А ты уже подъехал?
- Раз сказал, иду, значит, что?
- Значит, подъехал!
- Так какого хрена задаешь идиотские вопросы? Отбой!

Демьянов взглянул на помощника:

- Ты тут иногда прогуливайся, если кто из местных подойдет, что сказать знаешь.
- Знаю!
- Давай, я пошел!
- Угу. Надолго удержишься?
- А это как карта ляжет.

Кузнеченко закурил, пуская дым в открытое окно внедорожника, Демьянов вышел на улицу, прошел переулком до дороги, через кусты спустился в овраг, перепрыгнул воняющий мертвечиной темный ручей, поднялся к калитке задней части забора усадьбы Коробко. Здесь остановился, осмотрелся. Он и сам вряд ли мог объяснить, зачем все это делает, но осмотрелся. Ничего и никого подозрительного не заметил. Вошел в густой, заросший и одичавший со временем сад, прошел к задней дверке старого, но большого и еще достаточно крепкого дома.

В горнице у стола по лавкам сидели все его люди: Кожан, Окунь, Гусь и Лысый. Они что-то оживленно, но тихо обсуждали – наверное, то, как весело провели прошедшие сутки. Кстати, только сегодня утром соседи по коттеджному поселку нашли трупы Голубевых. Об этом в восемь утра Демьяну сообщил Хасан. А тот узнал об обнаружении от человека Ачила в областном УВД, майора Школярова. Хасан также передал, что прибывшая на место преступления следственно-оперативная группа при первичном осмотре никаких следов убийц не нашла. Это улучшило настроение Демьяна. Если менты с ходу не взяли след, то теперь и подавно не возьмут. Будут рыть по другим каналам. Но будут. Это преступление не замнешь. Хотя вполне тоже могут подставить какого-нибудь тронутого бомжа со свалки.

При виде главаря бандиты замолчали. Демьян прошел к стулу у торца стола, поздоровался с подельниками:

– Привет всем! Как отдохнули, бродяги?

Гусин изобразил похотливую улыбку:

– Лично я ништяк провел.

Другие тоже ответили, что отдохнули неплохо, но мало.

– Хорошего понемногу: делу время, потехе час, – сказал Демьян. – Надо бабки делать, а расслабиться всегда успеем. Смотрю, все в порядке, значит, сразу перейду к делу.

Демьянов объяснил подельникам суть очередного заказа Ачила.

Бандиты переглянулись. Реньков проговорил:

– Завалить депутата, да еще такого, как Ломаков? Дело громкое. Сучка его – ерунда, а вот депутат...

– А что, депутат не такой же, как все? Или у него панцирь, как у черепахи, – втянул башку и закрылся? Он такой же человек. А по комплекции меньше Голубева. Видел я его у администрации, с мэром города о чем-то базарил. А больше понтовался. Вокруг охрана, он в костюме дорогом, руки в карманах, галстук на ветру развевается, а народ вокруг пальцами тычет: смотри, мол, сам мэр и Ломаков. Любит он понты.

– Да, в этом Лому не откажешь, – хмыкнул Демьянов. – Всегда любил покрасоваться. Вот и докрасовался... В общем, мы с Кожаном уже составили план операции.

Гусин усмехнулся.

– Ты как военачальник какой, Демьян, план операции составляешь. Словно армию собираешься отправить в наступление.

Демьянов сощурил глаза:

– Ты чем-то недоволен, Гусь? Нет? Тогда молчи, сопи в две дырки, слушай, я дважды каждому повторять задание не буду. А вот за выполнение спрошу по полной.

– Демьян, может, чайку крепкого заварить, чтобы совещание наше пошло веселей? – предложил Окунько.

– Ну завари! Мне чифиря.

– Мне тоже! – встрял Кожан.

– Как скажете, мне не в падлу!

Окунь налил из ведра чайник, поставил его на газовую плиту, вскрыл три пакета листового черного чая. Прислонился к углу печи, готовый слушать инструкции главаря банды.

– А чего это вы с Кожаном план рисовали без остальных? – спросил Гусь.

– А то, что главная роль в акции отводится именно Кожану. Он один будет гасить депутата с любовницей, а все остальные – обеспечивать его работу. Еще вопросы есть?

Больше вопросов у бандитов не было.

Демьянов изложил план убийства Ломакова и Баяновой с подставой Сергушина. Изложив, спросил:

– Сейчас у кого-нибудь вопросы по теме есть?

– Да какие вопросы? Нормальный план. Говори, что нам предстоит делать? – прищурился Реньков.

Демьянов указал на него пальцем:

– С тебя, Лысый, и начнем. Ты – сегодня же на улицу Горького, найдешь дом 18. В первом подъезде на втором этаже в двухкомнатной квартире № 6 проживает любовница депутата. Там же они и встречаются по понедельникам и четвергам, в основном с 11.00 до 16.00. Посмотришь подход к дому, много ли народу торчит на лавках, во дворе; поднимешься по подъезду, посмотришь чердак, обследуешь подвал. Уходить Кожану придется из другого подъезда, вот и определишь наиболее безопасный путь. Выберешь место, где можно припарковать «Ниву» и где встать «Форду». Но главное – оценить замки, сможет ли Кожан открыть

их отмычками. Если нет, придется делать слепки, чтобы подготовить дубликаты ключей. Короче, на тебе вход в хату и отход Кожана после акции.

– Понял!

– Возникнут трудности, звони мне.

Окунько разлил чай по кружкам, выставил их на стол. Демьянов, отпив глоток обжигающего чифиря, повернулся к Гусину:

– Теперь твое задание, Гусь. Мне говорили, что ты крутишь шашни с бабенкой, работающей в одной из компаний мобильной связи. Это правда?

– Ну, не совсем так, но иногда мы с ней встречаемся. Баба в годах, разведенная, ей мужик нужен. Вот я иногда и сплю с ней.

– Эта твоя баба может сделать мобилу, чтобы на нее не вышли менты?

– А я откуда знаю! Мы о работе с ней не разговариваем.

– Так поговори, но аккуратно. И так, чтобы она потом не связала убийство депутата с твоей просьбой. Впрочем, в ментовку не побежит...

– Не-е, не побежит! У нее первый муж был мент. Натерпелась от него по самое не могу. Кое-как смогла добиться развода, а потом этот мент утонул. На зимней рыбалке провалился под лед и пошел рыб кормить вместе со всеми своими причиндалами. Так ее в ментовку даже по этому случаю таскали: мол, не она ли подстроила гибель мужа? Дурость, но кровушки попили. К ним она не пойдет точно, а вот сделает ли нужный телефон, не знаю. Позвоню, договорюсь о встрече сегодня, вечером придется ее трахать!

Демьян усмехнулся:

– От тебя не убудет. Сколько тебе лет?

– Двадцать семь.

– Да я в твои годы, когда был на свободе, по две-три бабы за вечер имел.

– Да я че? Я ниче. Попробую.

– Не попробуешь, а сделаешь! – повысил голос Демьянов. – Если твоя сучка не сможет телефон достать, пусть подскажет, где его взять. Ты понял, Гусь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.